18+

Алексей Рожков

УПЫРИ

Они среди нас, они уже здесь,
они пришли за тобой…

Алексей Рожков

Упыри. Они среди нас, они уже здесь, они пришли за тобой…

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68312696
ISBN 9785005906403

Аннотация

Призрачный поезд метро едет по бесконечному замкнутому кругу. Здесь нет ни времени, ни пространства. Здесь есть лишь странные пассажиры, каждый из которых хочет рассказать тебе свою историю. Странный бомж, спящий в углу, «чёрный директор», поведает о настоящих упырях и вампирах, скрывающихся в обычной жизни за масками генералов-председателей корпораций и управляющих нами. Он долго был в рабстве кровососов, но теперь объявил им войну. Скоро вампирское капище будет уничтожено, но что будет после?

Содержание

Алексей Рожков 5
Часть III 6
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ 7
Глава 1 7
Татарин 7
Глава 2 19
«…Я 21
Глава 3 44
Странный пассажир 44
Глава 4 63
Упыри 63
Глава 5 71
Конец ознакомительного фрагмента. 85

Упыри
Они среди нас, они уже здесь, они пришли за тобой…

Алексей Рожков

© Алексей Рожков, 2022

ISBN 978-5-0059-0640-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Алексей Рожков
Упыри

Часть III

Они рядом, они среди нас
Они пришли за тобой…

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

Татарин

Истории в самой глубине римского метро продолжались уже так долго, что я даже потерял счёт времени. Слишком долго, непозволительно долго. И это становилось не просто странно, а даже настолько странно, что не замечать это далее было невозможно. Как будто время в этом месте специально делало изгиб и начинало двигаться по спирали, чтобы позволить нам бесконечно долго рассказывать страшные и странные истории друг другу. Казалось, что мы едем уже не только не одну остановку метро, но даже несколько дней или ночей, а может катаемся по замкнутому кругу по всему подземному миру Рима. Я хотел было высказать свои опасения Родиону, как вдруг слева от себя услышал:

– Вот вы говорите «милиция»…

Мы с Родионом синхронно повернулись, вытаращив глаза от неожиданности. Кроме нас и каких-то фоновых персонажей в ночном римском метро никого не было. А тут голос, да ещё и по-русски. Источником голоса оказался странный

джентльмен без лица, лысый, худой, с жёлтой пергаментной кожей, огромным кадыком, в обтягивающих его дистрофические ноги кожаных штанах и со средневековой тростью с набалдашником из слоновой кости, который совсем недавно сидел в центре вагона и, казалось, совершенно не обращал на нас никакого внимания. Увлёкшись беседой я и не заметил, как этот «месье» пересел к нам и жадно слушал наш разговор. Увидев его, а главное услышав, потому что внешний вид вылезшего из гробницы графа Дракулы никак не вязался с русской народной речью, которая вылетала из его полного неровных жёлтых кривых зубов рта.

– Мы говорим? – опешил Родион.

– Вы-вы, а кто ж ещё? Вы, кстати, я слышал из Н-ска?

– А что, разве в Румынии слышали про Н-ск? – мне почему-то было очевидным, что такой человек должен быть именно из Румынии, цитадели всех вампиров.

– При чём тут Румыния? Я может быть русский, ещё по более вашего, жалко, что по крови татарин. А вы знаете в Н-ске есть такой поселок Дубча́ниновка?

– Нет, Дубча́ниновку я не знаю. Но зато я хорошо знаю Дубчани́новку, есть там такой цыганский посёлок, – отвечал Дракуле Родион.

– Вот-вот, так оно и есть. Из-за этой самой Дубча́ниновки или Дубчани́новки, как хочешь её назови, мне теперь кредиты в банке не дают. Просто я там сделал прописку левую, паспорт-то у меня поддельный всё равно, и сейчас как иду

кредит брать, так мне всегда отказывают, потому что там всё время то буквы разные, то ударение.

Мы опешили от таких признаний новоиспечённого «русского». И даже онемели, ну что ему на это скажешь?

– Хотя, – продолжил человек без лица, – я бы и сам не взял этот кредит. Мне же вот когда звонят и предлагают кредит я не беру никогда. Знаете, почему?

Мы разумеется не знали. Пожав плечами, я предположил:

– Может потому, что обычно так звонят мошенники?

– Да какие там мошенники! Да вы знаете кто самый главный мошенник? Нет? Ну вам и не надо знать. А кредит я бы взял конечно. Вот они мне когда звонят, банкиры эти, я им так и говорю – я возьму кредит, но не меньше пяти миллионов долларов. Вот веришь, нет? Меньше хоть на доллар будут давать, насильно будут засовывать, хоть убей не возьму. Они пока думают. А что, пять я бы взял. Зачем они мне, спросите вы?

Мы почему-то не спрашивали и даже старались инстинктивно отсесть это этого кричащего на весь вагон странного человека.

– Да я бы просто кинул их, банки эти. А что, мне это как два пальца об асфальт. Вот взял бы пять лямов на свой поддельный паспорт, сел на самолёт и поминай меня как звали. Улетел бы в Пакистан, и там сидел в ауле в кибитке с шайтан-трубой на перевес, и попробуй меня там найди. И всё, жизнь удалась, мне на мой век хватит. И не надо мне ни Дуб-

чаниновки, ни Рима этого, ничего. Вот вы ведь посмотрите кто сидит в этом вагоне – отбросы, ошмётки общества, человеческий мусор. Да я таких раньше просто на месте расстреливал, если только в мою сторону посмотрят косо.

Мы переглянулись. П всей видимости эпитеты «отбросы и человеческий мусор» относились и к нам тоже, от чего нам становилось всё больше и больше не по себе.

– Да вы не смотрите, что я сейчас в метро езжу. Это же раньше всё моё было.

– Что твоё?

– Да всё вокруг, вон посмотрите в окно.

Мы покрутили головами и увидели нечто, что никак не вязалось с тем пространственно-временным континуумом, в котором мы были за секунду до этого. Наше римское метро из тьмы туннеля выскочило на мост над городом, а в глаза после тьмы нам хлынул свет уличных фонарей Поезд метро летел над каким-то городом, при чём совершенно не похожим на Рим. Слева мы увидели многоэтажки, какие бывают только в Москве, такие серые, загаженные, похожие на кукурузные стручки. На одной из них сверху вниз, по всей длине дома, огромными буквами было написано «Орехово». Орехово в Риме. Толи – это галлюцинации, толи что-то здесь явно не то. Проклятый упырь совсем закружил нам головы. Спустя пару минут поезд снова юркнул в темноту туннеля, а вид из окна заполнили бетонные стены и извилистые вереницы свисающих коммуникаций и силовых проводов с ред-

кими, время от времени вспыхивающими, красными глазами подвесных фонарей.

– Да… – упоённо протянул незнакомец, поглаживая худющий живот, словно только что плотно отобедал, – Раньше я всё здесь держал, всё Орехово было подо мной, все знали Татарина, все мне платили. Каждый коммерс, каждый бандит, каждый кидала, все мне дань приносили. Ну а как не принести? Ведь если не принесёшь – смерть, у меня разговор короткий. Уж очень все меня боялись. Жуть как боялись, больно я был лютый. Так боялись, что я ещё ничего не сделал, а они, комерсы эти, со страху падали. Помню был один барыга, он на мясе сидел, мясом торговал и консервами верблюжьими, вот и решил я его прикрутить. Так он так меня испугался, что всю свою родню вывез за границу, а сам в одной хате прятался на Юго-Западе. Вот я к нему туда приехал, чисто поговорить, а он как увидел мою тачку внизу, так струсил, что со страху в окно и сиганул. С пятого этажа. Ну и короче, разбился он об асфальт в фарш. Лежит, весь в крови, руки ноги переломаны, кишки наружу, но живой. А я подхожу к нему и говорю:

– «Что ж ты, голубок, упорхнуть хотел? А зачем из окна-то прыгал, я же к тебе только поговорить приехал?»

А он мне отвечает:

– «Уж говорит больно Вы, Татарин, лютый, боюсь я очень Вас»

– «Дурак ты, – говорю я ему, – ну зачем так над собой

издеваться? Ну что я, не человек? Ну для первого раза палец бы сломал, ну паяльник в одно место засунул, ну зуб выдрал или ноготь какой. А теперь тебе лечиться сколько надо? А то может и помрёшь. Ну так вот, чтобы ты моё добро в своём лице не портил и не прятался, из окон не прыгал, за твоё, так сказать, умышленное причинение вреда своему здоровью, подпишешь на меня хату, завод мясной и тачку, добро́?»

На куда ему деваться? А главное подписать бумаги не может – руки-то не двигаются, переломаны в ста местах. Смотрит он на меня, как рыба, и мычит. Ну а я что, я же человек очень сердечный, милосердный. Позволил я ему подлечиться, но только пока руки не заживут, чтобы мог генеральную доверенность подписать. И чтобы вы думали, этот отморозок воспользовался моей добротой и только вроде весь лежал в больничке забинтованный, а как только в себя пришёл в бега пустился. Но от Татарина не уйдёшь. Ещё никто не уходил. Это я вот ото всех ушёл. Все мои кореша – кто на том свете, кого в двухтысячных снайперы постреляли, кого на пожизненное лично Сам в Полярную сову и Чёрный Лебедь определил без суда и следствия. А что? Улик-то против нас никаких, мёртвые-то они не кусаются и не разговаривают. А Татарин жив себе живёхонек на свободе, и никто на меня рот свой не разинет. А почему? А потому что жили напоказ, вроде все переобулись, отбелились, у всех легальный бизнес. Да только деньгами больно светили, не нравилось это Ему.

Всех Он распределил – есть улики, нет улик, ему по-барабану. Кого на тот свет, кого лаптями вверх и на пожизненную. А пожизненка она знаешь хуже высшей меры. Так-то.

Так вот, нашли мы этого барыгу, когда он уже почти в Финку ушёл, привезли на его же завод мясной, повесили, значит, там на цепях к потолку. А была у него на мясухе такай огромная чудо-мясорубка. Ну что нам было с ним делать? Пришлось ему руку отрезать, да его же руку сквозь мясорубку эту пропустить, сделать из неё колбасу и ему же и скормить. А что? Всё должно быть по справедливости. С ними же как, с этими комерсами-барыгами? Всё на страхе, да на авторитете. Одного такого отпустишь и всё дело развалится, никто платить не будет. Ну короче, заставили мы его собственную руку в колбасе съесть, а потом прямо к мясорубке на цепях подтянули, вторую руку в мясорубку засунули и ножи включили. Барыга орёт, кровища хлыщет, всё залила. Хотел я его всего на колбасу перемолоть, да пожалел. Я же добрый очень был тогда. И вот после этого он мне всё подписал – и квартиру, и завод этот мясной, и машину, и даже дачу, о которой мы не знали.

– А как же это он тебе подписал, без рук-то? – недоверчиво спросил «Татарина» я.

– Как-как… – замешкался тот, но потом нашёлся и ответил, – Да так и подписал – ртом, как ещё. Он потом всю жизнь с культяпками проходил, протезы какие-то вроде себе сделал. Руки-то ведь их не отрастишь, вторые не вырастут,

надо знать с кем связываешься. Он на нас ещё долго потом работал, безрукий этот, который свою руку в колбасе схавал. Да мы его так и называли – ручник.

А платили мне в те времена все, я же был самый авторитетный в Орехово. Платили все – барыги, милиция, пацаны, бандиты, ФСБ, директора заводов, все, поголовно. В день мне налом миллион долларов приносили. Складывать некуда было. Так я их зарывал в лесах, на даче, банки свои создавал. Но ведь всё надо с умом. Ведь другие как? Только из бандитов переобулись, только руки от мокродельства просушили, и сразу – в депутаты, шоу-бизнес, олигархи. А Он не любил такого, чтобы на виду, и чтоб ему глаза мозолили. Вот поэтому Он лично и постановил всех убрать без суда и следствия. А Татарина, говорит, оставьте, его я уважаю. Вот так вот. И что где теперь те бандиты и где я?

– А кто такой этот «Он»? – удивлённо вскрикнули мы с Родионом.

– Да как кто? Вы что? Неужели не понимаете? – Татарин многозначительно посмотрел наверх и послюнявил палец, как будто сейчас надо пересчитывать деньги, – голову включайте!

Мы ничего не поняли, что это за магический и всесильный «Он», пожали плечами, но перебивать не стали. Тут в ход беседы вмешался мой приятель.

– И куда ж ты все эти бабки дел? – осмотрев с ног до головы кожаного Дракулу, по совместительству короля преступ-

ного мира, Профессора Мориарти наших дней, спросил Родион.

– Куда-куда… Да никуда… Все они у меня, как были, так и есть. Просто я был очень справедливый, когда всё подо мной в Москве было. У меня знаешь, как все заводы работали? У меня зарплату народу секунду в секунду выплачивали. И попробуй просрочь. Вот один директор завода однажды не выплатил работягам в срок аванс, типа денег не заводе нет, поставки сорвались. Так я к нему приезжаю ночью домой, а он уже того, висит, весь скотчем ногами к люстре привязанный. Это парни мои постарались, подготовили голубка к моему приезду. Я значит захожу, сажусь, а он висит и мычит. Наливаю я себе из его бара вискаря, и ему предлагаю. Я ведь очень щедрый был тогда, вежливый. А он всё что-то мычит. Ну я ему и сказал, чтобы завтра мужичкам деньги все вернул до копейки, а иначе на счётчик поставлю, а свои проблемы сам решай, ты директор. А завод тот был какой-то государственный, секретный что ли. Да какая разница, все подо мной ходили. Но понятливый директор оказался, всё продал, рубаху с себя снял, а деньги до копеечки людишкам вернул. Понял, дурья башка, что без квартиры жить можно, а без головы нет. Я же в то время очень честный был и справедливый, народ меня уважал.

А ещё я нерусских не любил. Я ж в то время боролся за чистоту Москвы от всякой нечисти, даром что сам Татарин. Вот бывало едим мы с Миханом на моей девяносто девятой цве-

та аллигатор по району, самая крутая тачка в то время была, и вижу на рынке торговцы столпились, из Средней Азии. Я и говорю Михану: «Доставай шайтан-трубу». И вот встаём мы прямо посередине дороги, посередь проспекта Вернадского, Михан открывает багажник, достаёт муху и шмаляет прямо по рынку. Чёрных там этих полегло, море. Ну а что, пусть знают Татарина. А мы сели в тачку, да дальше поехали.

Но было конечно много завистников. Плодиться стали отморозки, сильно наезжать. И я им забил стрелку, прямо на Воробьёвых горах, в лесу, рядом с Москвой-рекой. «Ореховские»… Название-то какое себе придумали. А кто они такие для Татарина? Так, желторотики. Ну и взял я, значит, шишигу военную, а в неё пулемёт поставил противовоздушный, прямо в кузов. На складе военном взял. Тогда ж все подо мной ходили, и вояки тоже. И приезжаю я на шишиге в лес, а они там стоят, на зубилах, на меринах, да на бэхах с немецких помоек. Человек их пятьдесят, не меньше. А мы вдвоём с Миханом, что народ зря гонять? Что сами не разберёмся? Подъехали, развернул я, значит, шишигу, а Михан из кузова начал отморозков этих крошить из пулемёта. Почти всех положил. Да только недоноски эти, пацаны Ореховские, замусоренными оказались. Тут же СОБР налетел, в кольцо нас взял и тоже начал из автоматов валить почём зря. Всех положили, и Михана, упокой Господи его душу, хороший был пацан, только без башни совсем. Один я выжил, потому что из шишиги выпрыгнул и прямо в Москву-реку

сиганул. Пришлось мне под водой почти от берега до берега доплыть, так только и спасся. Один я тогда ушёл. Удачливый был я в те годы очень.

А сейчас живу в своё удовольствие, денег море, дом на Рублевском шоссе, а здесь, в Италии, так проездом. А на даче на моей вокруг одни министры, да генералы. Ну и стрёмно мне. Выхожу, понимаешь, на улицу, а они все там при погонах, да при гаврилах. Ну и что, короче купил я себе тоже звание генерала ФСБ. Корочки, всё как полагается, а к нему мундир, значит, генеральский. Дорого конечно, но что я, хуже других что ли. А сосед у меня по даче – в этом ФСБ шишка какая-то. И вот как-то утром, а прохладно ещё, морозец, туман, выхожу я по малой нужде, значит, на улицу, и, как назло, накинуть нечего. А я с похмела страшного, и главное один китель ФСБ-шный висит генеральский и фуражка, при входе, на гвоздике. Стою я, значит, в одних труханах, да в белом генеральском мундире и фуражке, облегчаюсь, а из дома напротив выходит сосед, ну этот, начальник ФСБ-шный. Он как увидел меня, как на звёзды на погонах посмотрел, так аж в струнку вытянулся.

– «Разрешите, – говорит, – товарищ генерал Татарин доложить.»

– «Докладывайте, – я ему отвечаю, – только по всей форме.»

Вот такие дела. У вас кстати не найдётся пары евро, а то моя кредитка с миллионами в отеле осталась?

– Не, братан, – в один голос ответили ему мы с Родионом, – откуда такие богатства?

Глава 2

Поезд номер 666, заколдованное место и вечера на хуторе близ Саранска.

Мы как могли постарались отсесть от загадочного и беспощадного «Татарина», обескуражившего нас своими чистосердечными признаничями и продолжили беседу. В этот раз я взял на себя инициативу и начал в тишине вагона итальянского метро свой рассказ об одном случае, произошедшем со мной несколько лет назад:

– Какие только забавные случаи могут произойти с тобой из дня в день в общественной уборной человеческих душ – поездах железной дороги. Будь то Россия, Италия или Буркина Фасо. А каких только удивительных персонажей и пассажиров здесь не встретишь! И ведь каждый хочет открыться, излить душу человеку, которого он больше никогда уже не увидит… Чего стоил только поезд №666, отправляющийся ровно в полночь до столицы гордой Республики Мордовия – города Саранск, по совместительству столицы всех тюрем, исправительных колоний и лагерей в дремучих мордовских лесах, где сидят самые кровожадные маньяки ещё со времён Советского Союза. С таким номером поезда другого варианта не было, и поглумился надо мной лукавый в нём вволю. Началось всё с того, что я ехать в Мордовия было вроде надо, но очень не хотелось, а потому я всё выгады-

вал, как бы попозже приехать на вокзал, чтобы не тусоваться там среди ночи и прибыл туда ровно за 12 минут до отправления. Но входя в вагон, прямо перед проводницей, проверяющей билеты на входе, понял, что забыл паспорт. А сами понимаете, что в Мордовии человек без паспорта, всё равно что блоха без подковы – он как бы есть, а на самом деле его нет. Как писал поэт и по совместительству певец революции, Владимир Маяковский:

«…Я

достаю
из широких штанин
дубликатом
бесценного груза.
Читайте,
завидуйте,
я —
гражданин
Советского Союза…»

Так вот, оказался я и без пачпорта (как говорится усы, лапы и хвост – вот все мои документы) и без гражданства и даже без широких штанин. А минут-то до отхода поезда №666 оставалось уже всего одиннадцать. Что делать? Я, нарушив все законы физики, времени и пространства, как та лань, весь в плащах, шарфах и чемоданах, со скоростью света кинулся к стоявшим здесь же привокзальных бомбилам-калымщикам, без разговоров бухнулся в ближайшее такси и скомандовал:

– Вперёд! Два счётчика шеф!

Посмотрел на «шефа» и… Попал к своему разочарованию на женщину-водителя, которая и оказалась незатейливым Сами Насери из фильма «Такси», правда ну никак не была на него похожа. Тем не менее, страсть к наживе и над

ней возымела верх, и она, сжав зубы и наступив на горло собственной женской осторожности, надо отдать ей должное, мужественно проехала на все красные света светофора, от вокзала до моего дома и обратно, благо ночью город был пустой. После чего бесстрашная шумахерша торпедировала меня в почти уже уходящий последний вагон поезда, куда я просто влетел на последних парах, потный, злой, красный как помидор, цепляющийся за поручни уходящего состава и умоляющий открыть подножку проводницу последнего вагона. Это был единственный случай в моей жизни, когда я ровно за 11 минут преодолел расстояние, которое по всем разумным соответствовало ну никак не меньше получасу, остановив, ну или по крайней мере замедлив, таким образом время. Представляете моё облегчение, когда я, уставший, но опаспортевствлённый, бухнулся на нижнюю полку своего места? Нет, наверное, не каждый может такое представить.

В продолжение дьявольского глумления, а Вельзевул взялся за меня со всем энтузиазмом, по приезду в славный город Саранск совершенно неожиданно выяснилось, что все места абсолютно во всех гостинцах заняты, по причине того, что в Саранске проходит слёт и всероссийские или даже всемирные соревнования спортсменов-ходунов. Точнее их кажется называют «Ходоки». В те годы, благодаря тогдашнему неугомонному властителю Мордовии, мордовские ходоки внезапно стали чемпионами мира, олимпиады и всей га-

лактики по этой самой, что ни на есть спортивной, ходьбе. Кто не помнит мордовского чуда? Да вот только нет ничего тайного, что не стало бы явным, и спустя годы в замороженных анализах мордовских ходоков зарубежные эксперты антидемпингового комитета, разумеется, обнаружили тот самый допинг, чего собственно и следовало ожидать.

В результате тренера, великого мордовского ходока и по совместительству отца-основателя мордовского волшебства, навеки отрешили от спортивной ходьбы, наложив на него спортивную анафему и епитимью. Помню, как по телевизору неудавшемуся спортивному гению зачитывали приговорок МОК, этой спортивной инквизиции, по которому он был бессрочно отстранён от ходьбы. Я ещё тогда подумал: вот ведь бедолага, что же ему делать-то теперь остаётся? Ну или только бегать, или ползать всю жизнь. Ходить-то нельзя. А то ненароком зайдёшь в мордовский спортзал, а там сразу с неба люди в чёрном. В чёрных крестах и чёрных полумесяцах, в полумасках и на чёрных скакунах – мол куда, как посмел ты, еретик, пересечь священную границу спортзала?

Но всё это после, а пока мордовский химик потчевал своих незадачливых подопечных ходоков каким-то химическими коктейлями, от которых правда потом добрая их половина стала импотентами, а вторая двинула кони, но уже совсем другая история. И всё бы это хорошо, но на волне создания армии ходячих мордовских мертвецов, я оказался со-

вершенно без крова над головой. Ну реально, все гостиницы Саранска были заняты различными приезжими ходоками со всей концов и окраин страны и земного шара, чего, я готовясь к поездке, никак ожидать не мог. И смех, и грех.

*****

И кто, как вы думаете, помог мне в этой непростой истории? Кто спас меня от ночёвки на деревянных креслах ж/д вокзала славного города Саранск, рискуя быть ограбленными местной мордовской привокзальной шпаной? Ну конечно только он, наш Господь Бог. Именно он вступился за грешного раба своего в идолопоклоннических, Богом забытых мордовских селениях, в которых по сию пору, скрываясь за маской христианства, всё ещё почитают разных языческих мордовских божеств и духов, втайне бегая на «моляны» – остатки прежних языческих жертвенников. Там живут и где процветают загадочные «чернички» – молодые девушки с некоторым тёмным прошлым, покрывшиеся чёрным платком и навсегда отказавшиеся от замужества в угоду своим сектантским учениям. Так вот, именно в этом нехорошем мистическом месте, мне помогло само провидение.

Я брёл замерший, промокший, под холодным мордовским дождём, без крова, голодный и холодный. Проходя мимо случайно встретившейся мне на пути старинной церквушки, решил зайти в неё, чтобы отогреться и поставить пару свечек – одну за здравие, другую, как водится, за упокой. Церковь эта была сделана по всем старинным русским канонам,

видно, что не новодел. Войдя внутрь, в полутёмном свете лампад, я почувствовал небывалый прилив энергии. Место это было старинное, святое, намоленное. Как раз шла вечерняя служба, которую я с удовольствием отстоял. В тот день был какой-то православный праздник, и старый умудрённый опытом седовласый батюшка совершил надо мной таинство помазания. Уже вечерело, и когда я вышел, наполненный внутренним светом и радостью, из церкви, оказалось, что тучи разогнало неведомой силой, небо было ещё низким и тёмным, но лучи уходящего солнца уже играли на золотых куполах. Послышался колокольный звон вечерни. Я перекрестился на четыре стороны по старому обычаю… И вдруг, на четвертой стороне, куда отдавал я крестный поклон, мне бросилось в глаза небольшое каменное строение, на котором значилась надпись на старославянском языке «Гостиница Епархиальная».

Удивившись этому событию и заинтересовавшись, я направился в то побеленное здание, выполненное в старинном стиле, явно не позднее 18 века. Зайдя нагнувшись в низкую полукруглую дверь, я увидел матушку на входе и поинтересовался нельзя ли здесь найти приют на ночь.

– Отчего же нельзя, конечно можно, заходи, мил человек, отогрейся, располагайся. Выпей вот чайку с дороги.

Я посидел с ней, побеседовал под образами, посетовал на отсутствие мест в гостиницах.

– Да ты не переживай, видимо Господь тебя сюда привёл.

На все воля Божья.

Матушка выдала мне комплект чистого, с любовью постиранного белья и проводила до большой общей залы. В зале были побеленные стены, полукруглые потолки с колоннами, деревянные полы и такие же деревянные кровати без матрасов. Со стен строго смотрели образа и горели тусклые лампады. На деревянных кроватях отдыхали, а в углу у образов молились несколько монахов.

– Ты уж не обессудь, мил человек. Условия у нас тут строгие, сам понимаешь. Это место в основном для монахов, да для паломников существует, миряне и не знают о нём, вот только тебя Господь Бог и привёл, видимо угодно ему так. Да ты не стесняйся, приходи, располагайся, скоро у нас вечерняя молитва и ужин, садись за общий стол. Пища у нас простая, скромная, но голоден не останешься. На всё Божья воля, храни тебя Господь.

С этими словами добрая старенькая матушка удалилась по своим делам, оставив меня в монашеском общежитии. Примерно через час местные постояльцы позвали меня на ужин. Я присоединился к ним, прочитав единственную тогда молитву, которую знал – Отче наш. На ужин была картошка с грибами, чёрный мягкий хлеб, овощной салат и несколько селёдок. Что Бог послал. Но никогда больше я не ел ничего вкуснее, чем тот скромный ужин в монашеской келье, и никогда я так не насыщался, как той простой пищей. Казалось, что она даёт силы не только телесные, но и духов-

ные. Я не стал пытаться заговорить с погруженными в свои молитвы братьями-монахами, которые молча ели свой хлеб насущный днесь и, вкусив сладчайшей постной пищи, которая была здесь слаще любого заморского фрукта, любого деликатеса, так же молча отправился спать.

Переодевшись в спортивный костюм, я лёг на деревянную кровать под святыми образами и растянулся на чистой белой монастырской простыне и обычной войлочной подушке, отключившись под мерный монотонный шёпот молитв. В этот раз я не падал в бесконечное ничто забытья, я как будто парил в чистом небе и снилось мне что-то доброе, хорошее, от чего на душе становилось спокойно и тепло. Вокруг летали Ангелы Господни, и увидел я огромную белую лестницу куда-то высоко-высоко, к самым облакам, и себя на ней, в середине пути. И от этого с тало так легко на душе, и хотелось взлететь и летать как птица. В этом сказочном сне было всё позволено, поэтому я взлетел и летал, поднимался, опускался и снова парил в небе, ощущая незабываемое чувство полёта и свободного падения.

Наверное, не было со мной никогда больше ничего чище, чем та ночь в гостинице при монастыре. Простая грубая деревянная кровать показалась мне мягче всех перин на свете, мягче лебединого пуха, мягче тысячи матрасов и теплее миллиона одеял, хотя спал я под обычной простынкой.

До самой своей смерти я буду вспоминать тот вечер, который даровал мне Господь в старинной келье при монасты-

ре в центре Саранска. Именно тогда я понял притчи Нового Завета, о том, как накормил Спаситель пятью хлебами и двумя рыбами пять тысяч человек, ведь и у них и не было ничего вкуснее той еды, которую они вкусили, и не было мягче перины, чем земля на которой они сидели, ибо весь мир вокруг нас – лишь иллюзия, и только по нашей вере отмерено будем нам.

Как верно подметил Федор Михайлович Достоевский в незабвенных «Бесах», не может русский человек без веры. Ведь если не верит он, то и не является он русским в полной мере, ибо вера – это самая главная часть нашей нации и русский народ – народ «Богоносец». Вот если бы мне сказали все учёные и философы, астрономы и математики – как можно верить в наш век науки и открытий, когда человек почти докопался до самой сути природы и проник во многие её тайны, летал в космос, покорил атмосферу? То я бы словами героя «Бесов», Ивана Шатова, ответил им:

– Если бы математически доказали мне, что истина вне Христа, то я бы согласился лучше остаться со Христом, нежели с истиной.

Проснулся я с первыми лучами солнца, бодрый и свежий, как будто спал целую неделю. Почувствовав утреннюю бодрость и подъем, наполненность духа и тела силой и теплом, я был готов к любым новым свершениям и мирским делам. Наскоро собрался, умылся под холодной ключевой монастырской водой, аккуратно собрал бельё и прошёл к ма-

тушке, которая уже сидела на своём прежнем месте, неся свой ежедневный богоугодный труд.

– Доброе утро! Спасибо, матушка, в жизни так вкусно не ел и так сладко не спал! – поблагодарил я её.

– Храни тебя Господь, касатик.

– А как же, матушка, расплатиться мне за ночлег? Ведь человек я служивый, командированный.

– А что ж тут сложного, дело то богоугодное, тысяча рублей с тебя, не обессудь, служивый.

– А сможете вы мне, матушка, бумажку какую выписать на эту тыщу? Мне ж надо в бухгалтерии потом за командировку отчитаться.

– Вот с этим у нас сложнее, мил человек. Нету у нас этой самой, как ты говоришь, «хбубхалтерии». Хотя, погоди, была у меня тут одна бумажонка, может она тебе поможет.

Старушка долго рылась в своём комоде и достала какую-то пыльную бумагу, сдула с неё вековой прах и протянула мне

– Вот касатик, не обессудь, другого ничего нет. Но знаешь, кажется мне, что эта бумажка тебе поможет.

Потом она взяла обычный тетрадный листок в клеточку, сложила его пополам, подставила кальку и начала на нём что-то писать, ровно выводя буквы сухонькой морщинистой рукой.

– А как звать то тебя, мил человек? – спросила она, подняв глаза и поправив очки.

– Александром кличут, – ответил я.

Матушка дописала что-то, поставила монастырскую печать, оторвала половину листка, вторую оставив себе, протянула мне половину листка и сказала:

– Ну иди с миром, брат Александр, храни тебя Господь!

Я не стал больше ничего выяснять, вышел на улицу и уже за стенами Храма рассмотрел, что она мне дала. На простом тетрадном листке в клеточку, оборванном пополам, было написано убористым старушечьим подчерком: «Получена от раба Божия Александра одна тысяча рублей в счёт его проживания в гостинице при монастыре» и дальше шла дата по старому летоисчислению и стилю. А старой бумагой, которая была извлечена ей из комода, оказалась справка с крестом в середине, в которой говорилось, что «Святая русская православная церковь кассовых аппаратов не имеет и чеков не выдаёт», в подтверждение чего на ней стояла размашистая подпись митрополита Саранского и Мордовского Зиновия.

После, по возвращению из командировки, весьма сомневаясь в силе своих бумаг, зная строгость нашего главбуха к разного рода отчётности, я краснея предъявил эти «документы» и извиняясь сказал, что более ничем более подтвердить своё проживание при церкви не могу. Та долго рассматривала эти два листка, пыталась возмущаться, но после того, как я ей сказал: «Вы что, против Господа нашего Бога?», както сразу поникла, скукожилась и покорно приняла их к учёту, полностью компенсировав мне все затраты.

*****

Вторую ночь в Саранске я трудился к своему сожалению в отдалении от той старинной церквушки, и попасть в неё на ночлег никак физически не мог. Работать мы закончили поздно, мест в гостиницах так и не появилось, и снова вопрос ночлега ближе к девяти вечера стал передо мной особенно остро. Все мои сослуживцы из числа аборигенов быстро расползлись по домам, благо вечер выдался как всегда в Мордовии мерзкий и дождливый, а мы итак задержались сверх всякой нормы. Я уже нацелился было ночевать тут же, на нашем объекте, на двух доисторических стульях, но один из местных, Петр Беляев, высокий худой человек в огромных массивных очках, самый грамотный из всех работяг, правда явно пьющий, предложил пристроить меня на ночлег к своему приятелю.

– У него конечно не Копенгаген, но лишняя раскладушка всегда найдётся, – отрекомендовал он моё новое пристанище.

Я подумал, что раскладушка – это, наверное, лучше, чем два стула, которые того и гляди норовят развалиться самым беспощадным образом, и мы с ним под одни зонтом, хлюпая промокшими насквозь ботинками, направились куда-то в суровые саранские трущобы из жёлтых домов барачного типа, мимо алкашей, глядящих мутными глазами из-под подъездных навесов и тёмных личностей, шныряющих по подворотням в поисках добычи.

Как сейчас я вспоминаю того доброго, высокого человека, его большие натруженные руки, полуслепые глаза в роговых очках, очень умного, но вынужденного влачить жалкое существование на окраине Саранска. Я всматривался в сутулящуюся фигуру рядом и мне становилось очень тяжело на душе от предчувствия его печальной судьбы. В воздухе отчётливого носился какой-то странный запах, запах беды, аромат несчастья… Уже тогда я понимал, что с ним что-то произойдёт. Что-то очень плохое, что навсегда перечеркнёт его жизнь. Я даже пытался предупредить его, да он не слушал, а только улыбался и протирая запотевшее очки и говорил:

– Да не верю я во всё это… Как на Руси говорят? Когда кажется – креститься надо.

Он пропустил мои слова тогда мимо ушей, а буквально через несколько месяцев после той нашей первой встречи, он подвыпивший шёл из гаража и по привычке переходя ночью дорогу к своему дому, попал под колёса какого-то лихача, который даже не остановился, навсегда сделав моего тогдашнего знакомого инвалидом.

Спустя полгода, после того как произошли эти трагические события, я по служебной надобности снова приехал к в Саранск и нашёл своего приятеля в весьма печальном состоянии. Он был лежачим, абсолютно беспомощным, исхудал как скелет и не имел никакой надежды на выздоровление. Мы перевозили его тогда из одной больницы в дру-

гую на рабочем уазике, тащили его на носилках, а он только улыбался, смотрел своими полуслепыми глазами и извинялся перед нами за то, что доставил столько хлопот. Я и ещё несколько товарищей по работе, транспортировали его из центральной больницы города Саранск, старого обшарпанного жёлтого, как и все в Саранске, здания послевоенной постройки, которое строили пленные немцы. Мы молча тащили его по страшным некрашеным коридорам с облупившейся побелкой, по порванному под ногами линолеуму.

У той больницы тоже была своя история, дело в том, что спроектирована она и все её корпуса были таким образом, что должны были составлять звезду, видимую с птичьего полёта с советских самолётов, гордо пролетающих над славным Саранском. Но пленные фашисты распорядились по-своему. Они сделали свой последний предсмертный «подарок» – каким-то образом изменили проект и технологию, и после окончания и торжественной приёмки госпиталя, когда государственная столичная комиссия вылетела обратно в Москву, члены комиссии из иллюминаторов к своему ужасу увидели, что больница в высоты представляет собой идеально ровную, геометрически выверенную, как и всё в Германии, свастику. После этого случая, конечно без суда и следствия, был расстрелян ряд высокопоставленных особ, в том числе секретарь местного горкома, главврач и даже главный архитектор города, а также все члены госкомиссии в полном составе, а кроме того кучу народа сослали в лагеря, благо они

были здесь же, неподалёку.

Как могли свастику закамуфлировали, даже снесли несколько корпусов, и теперь с высоты глядя на больницу можно увидеть почти ровный крест, это единственное что смогли добиться строители, ведь совсем сносить госпиталь в те суровые послевоенные годы, когда поток инвалидов и больных хлынул со всех концов, городов и весей, не было никакой возможности.

*****

Мы, промокшие и замершие под проливным мордовским дождём, наконец добрались до неизвестной хрущобы и тяжело дыша поднялись на самый последний этаж. Помните эти последние этажи в хрущёвских домах? На них обязательно стояла лестница к квадратному люку в потолке, закрытому на замок, ключ от которого хранился у Андреича из последней, двадцатой квартиры, который потом выкрал, приехавший к ему на неделю внучок-хулиган Вовка из Наро-Фоминска. Мы с ним полезли на заполненный керамзитом и голубиным помётом чердак, где нашли среди птичьих перьев и мусора тёплое голубиное яичко. А потом, во дворе прямо за домом, чтобы никто не видел, раздавили это яйцо, а в нём оказался зародыш голубя, почти сформировавшийся, с клювом, крылышками, рахитичной полупрозрачной головкой, такой гадкий утёнок, но он всё равно был бы живой и стал бы голубем, если бы не мы. И мне захотелось плакать от своего подлого поступка. Тогда я первый раз в жизни узнал, что та-

кое смерть невинного, и мне до сих пор стыдно за тот свой детский, но низкий грех.

Пётр, так звали того мордовского бедолагу, постучал в обитую деревянными штапиками, пролаченную по моде тех лет, с черными точками от выжигания, дверь квартиры. Открыл нам добродушный Митёк. По другом я его назвать не могу. Ну он реально был похож на представителя этого питерского направления художественного андеграунда, такой же добродушный, бородатый и в тельняшке на пузе.

– Заходите, гости дорогие! – радостно приветствовал он, хотя мы с ним даже не созванивались, как будто знал, что ровно сейчас и должны к нему нагрянуть гости ночным визитом.

Митёк щедро и добродушно заставил нас раздеться до трусов, развесил намокшие вещи над батареей и принялся отпаивать чаем с мордовской водкой, которая, впрочем, так и называлась, судя по этикетке, водка «Мордовская». Потекла мирная беседа интеллигентных людей об искусстве, вере, любви, детях и предназначении в жизни. Как оказалось, наш хозяин художник-иконописец, расписывающий церкви, мордовский Андрей Рублёв. Он показывал нам свои прекрасные искренние работы, рассказывал о своём непростом труде, который выполнял по зову сердца, по предназначению души, за какие-то пожертвования и прихожанские копейки. Митёк поведал, как они с бригадой восстанавливают храмы, как возрождается вера на Руси. От его рассказов мне опять,

как и в предыдущую ночь, становилось тепло и уютно на этой крохотной кухоньке в компании добрых мирных людей, моих новь обретённых друзей.

Было уже поздно, Петя извинился и ушёл домой к семье, чтобы доспать несколько часов перед работой завтра, мой добрый хозяин настойчиво пытался уложить меня в свою кровать, а сам лечь на раскладушке, но я наотрез отказался и после его упорного сопротивления всё-таки занял прокрустово ложе. Было удивительно мягко и беззаботно. Я лежал в ночной тишине под стук дождя в окно и думал, как это здорово, что не переведутся никогда на Руси, в самых неожиданных местах, такие хорошие и добрые люди, готовые отдать последнее ближнему. Что они могут встречаться только здесь, в Российской глубинке, в этих унылых обшарпанных домах. Как сказано в Евангелие: «…они не от богатства своего отдают, а от бедности своей…», тем ценнее становится дар их.

Уже второй раз за эту поездку я почувствовал, как вкусна простая пища бедных людей и как мягко их скромное ложе. Как будто это не раскладушка в маленькой хрущёвке на пятом этаже, а огромная двуспальная кровать в царском дворце. Под эти благостные мысли и мерную барабанную дробь капель в окно, я уснул, и опять всю ночь летал как птица по голубому безоблачному небу над землёй, а внизу простирались бескрайние плодородные поля и такие маленькие крохотные деревья, дома, люди… Именно за такие встречи

и за такие сны будем благодарить мы господа Бога и именно в них и есть смысл нашей жизни.

*****

И все казалось должно бы было завершиться благополучно, но… Всегда возникают эти самые «но» … Вся наша жизнь есть борьба света и козней лукавого. Понятно, что после такой благодати, так просто эта история закончится никак не могла. Купив билет на обратный путь в историческом сердце Саранска, на самом что ни на есть центральном железнодорожном вокзале, я, уже ничему не удивляющийся, спокойно прошёл к своему вагону. В этот раз, учитывая прошлые ошибки, разумеется, слегка заблаговременно. Более того, я пришёл задолго до отправления и длительное время бесцельно шатался под настороженными взглядами вокзальных милиционеров по привокзальной площади, курил, ужинал пирожками с картошкой, купленными тут же, у перронных товарок. И вроде ничего не предвещало беды. Паспорт был проверен, а до отправления состава оставалось целых двадцать минут.

Я спокойно прошёл билетный контроль, похихикал с проводницей на какую-то тему и преспокойно прошёл к своему месту, готовый упасть в небытие и проснуться в точке назначения. И тут, как гром среди ясного неба. Всё моё купе было полно, не было куда и яблоку упасть. На самом моём месте, отчётливо напечатанном на розовом билете, на моей любимой нижней полочке, расположился лютый мордов-

ский фермер с внешностью доисторического мастодонта. Он уже переоделся в домашнее, разложил на столе традиционные варёные мордовские яички, копчёную мордовскую курицу, палку мордовской колбасы и пузырь самогона и сдавать свои позиции, судя по недюжинному росту и агрессивному выражению лица, явно не собирался.

Про таких в паспортах в советские годы так прямо и писали в графе национальность – «мордвин». Вот правильные были порядки в Союзе, всё своими именами называли, боролись, так сказать, за сохранение национальной культуры, независимость и традиции исчезающих народов. Это потом, только в Российской Федерации на волне натальной и гендерной без- дискриминации, всех сделали гражданами РФ, а по сути, как были они мордвинами, так ими и остались. Кстати, почему у нас в России все фермеры такие богатыри, даже мордовские? Видимо, чтобы сделать нашу и без того напряжённую жизнь сложнее. Увидев на своём законном месте совершенно постороннего субъекта, пусть даже и внушительно наружности, я, преисполненный благородного негодования, естественно начал с наезда:

– Почему на моём месте лежит, пардон за мой французский, вот такое вот деревенское мурло, прости Господи?

Мы совали друг другу в лица одинаковые билеты с одинаковыми местами, и дело чуть было не дошло до хватания за грудки, но, слегка успокоившись, всё-таки решили с традиционными русскими вопросами, а именно «Кто виноват?»

и «Что делать?» обратиться к третейской судье – проводнице.

Та долго разгадывала наши билеты, не понимая в чём собственно дело. И на том, и на другом билете было напечатано совершенно одинаковое место, одинаковое время, только фамилии разные. Ну что за чертовщина, были бы живы Гоголь с Булгаковым, была бы эта поездка увековечена в истории прозы и переросла в какие-нибудь нетленные «вечера на Хуторе близ Саранска» или «Мастер и проводница». История резко попахивала мистикой и чертовщиной, а лукавый держался за животики от смеха. Ничего не понимающая проводница эскалировала проблему по старшинству, и только начальница поезда, толстая дородная баба, прожжённая и опытная, видавшая на своём веку столько, сколько обычному человеку и не снилось, изучив суть вопроса молниеносно приняла соломоново решение.

Только она смогла разглядеть, что всё было в моем билете правильно. Абсолютно всё: и номер поезда, и время, и фамилия, и станция. Всё. Только год был не тот. Мне продали билет на будущий год, а не на текущий, назад в будущее, проверяйте билеты на отходя от кассы. Будто сам Воланд посмеялся надо мной из окна поезда номер 666, который уходил уже через шесть минут. И что бы вы думали, какой выход у меня был? Да ровно никакого. По всем канонам железнодорожного царства, виновником всей этой истории, несмотря даже на тот факт, что продажа билетов ранее чем за месяц

запрещена, начальницей поезда был назначен, разумеется, я. А мне уж и удивляться не приходилось.

Ну и что мне оставалось делать? Ещё одной ночи скитаний в Саранске с переполненными гостиницами я бы не пережил. Те более что благодать Господня, она тоже границы имеет. И делать было нечего, кроме как бежать за новым билетом на поезд. После всех наших разбирательств и оценки ситуации, времени на покупку билета у меня оставалось ровно пять минут. Да-да, именно 5 минут, как в той песне Николая Трубача, я её потом долго напевал про себя:

«… На перроне, у вагона,
только 5 минут…»

Но сдаваться было не в правилах вашего покорного слуги, и я опять, как и по дороге в Саранск собрал волю в кулак, как и свои сумку, плащ, шарф и остатки сил, и повторил чудо с замедлением петли времени.

В те годы ещё не придумали сотовых телефонов, но если бы они были, позвони мне кто-то в тот момент, я бы, как герой Данилы Багрова в бессмертном «Брате 2», на вопрос в трубке: «Что делаешь?» обязательно крикнул бы: «Бегу!». И я опять бежал. Красный, потный, сметающий всё на своём пути. А оставалось-то не много, не мало, а всего 4 минуты. Пробегаю мимо привокзальных ППС-ников. Видя их лица, которые явно хотят меня остановить, кричу им:

– Потом, всё потом!»

Они плюют и отворачиваются. Остаётся три минуты, я

у кассы. А в мордовской кассе как назло аншлаг. У маленького окошка в стене бесновалась кричаще-бушующая толпа тётушек с узлами в косынках, деревенских седобородых дедов в штанах, заправленных в сапоги, мам с ноющими детьми, солдат и подозрительных личностей в кепках. Короче вообще полный Армагеддон.

Я кричу им всем:

– Граждане дорогие, смилостивитесь, пропустите бедолагу без очереди, поезд уходит, жена рожает, всё упало, всё пропало!

По очереди раздаётся недовольный гул, а до отправления уже остаётся всего две с половиной минуты. Добрая бабушка внушительных размеров, стоящая у окна, входит в моё положение и цыкает на народ:

– Ну что разверещались? Не видите, человек спешит! А вам куда торопиться-то? На погост ещё успеете! – и отходит от белого окошка, освобождая мне место.

Бабка эта была явно в авторитете, потому что от её зычного командного голоса очередь сразу притихла.

Я пулей подлетаю к кассе, излагаю вечно недовольной билетёрше свою срочную потребность и кидаю в окно заранее в бреющем полете приготовленные деньги и паспорт. Та молча, медленно, я бы даже сказал цинично, начинает выписывать билет, забивать фамилию из документов, что-то неторопливо спрашивать и переспрашивать. Я нервничаю, пытаюсь её ускорить, а она только зло подглядывает на меня

исподлобья маленькими, сверлящими как дрель глазками. И вот, драгоценный билет выписан, билетёрша кладёт его на паспорт и протягивает стопкой мне. Я хватаю драгоценную ношу и тащу её из окна в свою сторону. Остаётся одна, последняя минута до отхода поезда. И тут… Билетёрша как будто вспомнив что-то вцепилась в билет и паспорт мёртвой хваткой, ни дать, ни взять бульдог. Я тяну их к себе, она к себе. Время замедляется в бесконечной битве взглядов и перетягивании билета. Я тащу стопку документов к себе, тётка упорно перетягивает их обратно в кассу, впившись как пиявка сильными пальцами.

– Подождите, гражданин, возьмите сдачу! – голосом палача, занёсшего топор над жертвой говорит она.

До отхода поезда остаётся 45 секунд…

И начинает отсчитывать сдачу. Медленно, методично, издевательски. Я кричу:

– Да оставьте Вы эту сдачу себе, Господи, поезд же уходит!

– Успокойтесь, гражданин, мне ваши деньги не нужны! – она со взглядом маньяка, ненавидящим, беспощадным, как паук на муху, попавшую в паутину, высыпает на билет с паспортом кучу никому не нужной мелочи.

Я буквально вырываю документы и рассыпающуюся на ходу мелочь из её рук. Время остановилось. Остаётся ровно тридцать секунд… Я как спринтер после сигнального выстрела на старте, с места подрываюсь и бегу. Мимо гудящей и проклинающей меня очереди, мимо бабок с баулами, мор-

довских торговок пирожками, мимо недовольных милиционеров. Поезд уже трогается. Проводники выставили зелёные флажки. И только самый последний вагон, как будто специально для опоздавших бедолаг, что-то тянет и не закрывает подножку, на которую я и вскакиваю на последней секунде перед отправлением. Сую билет в нос ошалелой проводнице, пробираюсь через весь поезд, мимо кричащих детей, чемоданов, дембелей, как в фильмах про войну или революцию, в свой, уже плацкартный вагон, и падаю там, как был, одетый и с зажатыми в вытянутой руке билетом и паспортом. Закрываю глаза и лечу в небытие, на поезде без номера в город без названия.

Глава 3

Странный пассажир

– Вот-вот, граждане, и я вам про тоже! А вы знаете, что на свете есть самое основное зло и от чего оно происходит? От богатств, от злата-серебра, да от власти всяческой! – раздался с другой стороны, сзади от нас, скрипящий, каркающий голос.

Мы с моим приятелем, Родионом, недоумевая переглянулись и повернулись на его звук. Да что такое. Вагонные персонажи тянулись к нам, как мухи на мёд. Правда мухи летят не на мёд, но какая разница. Я уже ничему не удивлялся и просто молча принимал тот факт, что мы оказались во временной петле пространственно-временного континуума призрачного римского метро, в которую мы попали как кур во щи, и по которому ехали, словно по замкнутому кругу, как по спирали, уже не первый час. Метро играло с нами, как кошка с мышью.

По ходу здесь как в компьютерной игре – пока не пройдёшь всех и не дойдёшь до босса выбраться из лабиринта невозможно. Слева от нас сидел итальянский бомж, во всей своей, так сказать, красе. В этом пассажире всё было аутентично, как и положено в межнациональной гильдии бездом-

ных – небритость, беззубость, лохмотья, неизменный пакет с нехитрым скарбом – пустыми бутылками, банками, тряпками и прочей ветошью… Только стоп! Во, что с ним не так! Бомж, который по всем метафизическим законам должен благоухать немытым гниющим телом на весь вагон, яко авгиева конюшня, совершенно никак не пах. Вот ни на молекулу. Мы с Родионом опять переглянулись и удивлённо посмотрели на нового «собеседника».

– Что, странно, да? Запах не чувствуете? А это первый признак вируса.

– Какого такого вируса? – наморщив брови спросил Родион.

– А ничего, скоро узнаете! Скоро все узнают! – пророчествовал бомж, – Скоро упадёт тень егбипетская на град сей и не останется на нём камня на камне! И не будет места от стонов и скрежета зубов грешников. Потому что грядёт Он!

– Хватит каркать дед, без тебя тошно. Ты, собственно, кта?

– Я-то? Да я, мил человек, директор.

– Директор? Ишь ты! И что же ты директируешь? Мусорки или свалки? А, я понял, ты глава Роспотребмусорнадзора и систематически совершаешь санитарные наезды на помойки?

– А ты не смотри на то, какой я сейчас. Было время, когда моё имя гремело на всю Орловскую волость!

– Прямо-таки и на всю? – спросили мы, поперхнувшись смехом.

Итальянский непахнущий бомж-директор Орловской волости – это ещё одна неожиданность сегодняшней бесконечной ночи. Я толкнул Родиона в коленку и шепнул ему на ухо, чтобы не слышали появляющиеся со всех сторон персонажи:

– Слушай, а тебе не кажется, что наше ночное путешествие очень напоминает, ну так, чисто слегка, диссотиативное множественное расстройство личности? Вся эта затянувшаяся поездка, Дракулы и бомжи-директора?

– Очень даже разумное предположение, оно многое объясняет… – загадочно улыбнувшись шепнул мне в ответ Родион.

– Да, всю! Всю как ни есть, Орловщину-матушку. Везде гремело славное имя Даздраперма Персостратовича Кукуцаполя!

– Кого-кого? Эк как его расказявило то! Это что ж за зверь такой, невиданный?

– Ничего и не зверь, – как будто обидевшись промямлил бомж, – это фамилия, имя и отчество мои. Даздраперм Персостратович Кукуцаполь, прошу любить и жаловать. Родители мои, большого ума и необузданной фантазии были люди, очень советскую власть уважали, вот и выдумали, будь они не ладны… Даздраперм – да здравствует первое мая, Персострат – первый советский стратостат, батюшка мой благоговейный, а фамилию мы взяли – Кукуцаполь, что сокращённо

значит «кукуруза – царица полей». Красиво ведь, не правда ли, господа.

– Н-да… – протянул, задумавшись, Родион, – когда стране нужны герои, кое-какой орган женского рода, не при дамах будет сказано, рожает дурака…

– Как-как, Вы сказали? – вступил в разговор, не расслышав, я – Драздраперм Простратович? Это ж как Вас, я стесняюсь спросить, уменьшительно-ласкательно называла мама? Был у меня один приятель в детстве, со странной такой, лошадиной фамилией – «Бричик». Так его тоже все спрашивали, как же это его матушка называет. Нам всегда казалось, что «Бричичек», что постоянно вызывало у всех моих приятелей приступы неудержимого смеха. А про Вас, любезный, я даже боюсь и предположить…

– Всё-то у вас хи-ха, да ха-ха, господа-товарищи. Да никак меня мать не называла, немая она была, великая женщина. Так бывало молчит, никаких слов не надо. Глубоко так знаете, осмысленно… Ой мама-мамочка, роди меня обратно. Ну так вот, говорю я Вам, в светлые, добрые, старые времена был я человеком очень умным, инициативным, несколько высших образований, кандидатская, IQ как у Эйнштейна, эрудит, умница. Работал так, что только свист стоял, все аттестации проходил, не шёл по карьерной лестнице, а просто летел. Вот и долетел… Все хотел вперёд идти, чего-то нового достигать, все улучшать, совершенствовать. Начальство меня ценило очень, посылало на совещания, да на кур-

сы всякие, по заграницам, да по командировкам. Из Москвы, так просто не вылазил, всех там знал. Грамот, да благодарностей всех рангов и мастей было столько – вешать некуда, все стены, шкафы забиты, некоторые даже пришлось к потолку приколотить, больше некуда, вот столько их было. Каждый день новые задачи, новые победы, должности.

И всё было хорошо, ровно да гладко, да вот приехал к нам в организацию новый генерал. Старый проворовался, вот и прислали нам этого гражданина, по фамилии Упырёв, а по имени-отчеству Виктор Сергеевич. Себя он всегда называл исконно русским, очень происхождением своим гордился, хотя приехал из Казахстана, сняв целый грузовой вагон, а откуда конкретно неизвестно, всё скрыто тайной, следы теряются, Казахстан-то он большой… Был он как будто списан с одного из градоначальников Салтыкова-Щедрина: низенький, толстый, с огромной золотой печаткой, тучными, нависающими бровями, носом-картошкой и замашками гибрида Сталина с Иваном Грозным. С собой Упырёв притащил в нашу контору странную, опасную скользкую личность – Асмодея Владленовича Чернобабу. Уж не знаю где он его взял, да только тот был его первым приближённым и тайным советником.

Чернобаба везде и всюду таскал за своим господином секретный чемодан и состоял в должности главного царского визиря и пресмыкающегося привратника, а в простонародье – заместителя по всем вопросам. Лицом Асмо-

дей Владленович напоминал унылую безвольную жабу, обладал обрюзгшим полуженским тельцем средней прожиренности, и омерзительным лицом, при одном взгляде на которое к горлу подступал комок тошноты. На его физиономии особенно выдавались рыбьи белёсые крохотные глазёнки и тонкий кривой рот, постоянно что-то жующий и находящийся в движении. Глядя на эту личину, в неё всегда хотелось плюнуть, настолько мерзким было это существо. А уж сколь велика была подлость и изворотливость Чернобабы, в этом ему просто не было равных.

В целом эта парочка дополняла друг друга. Упырёв без конца ежедневно кого-то увольнял, репрессировал, казнил, делая вид что самоотверженно борется за правду и идею, тем временем втихаря набивая свою немаленькую, надо отметить, мошну, потому что у него вдруг из ниоткуда, буквально через пару месяцев работы в нашей скромной организации, начали появляться огромные элитные квартиры, коттеджи и дорогостоящие автомобили премиум класса. Его проникновенный визирь, Чернобаба, играл при нём роль генератора подлых идей, серого кардинала, а по совместительству мытаря. Бабки «сладкая парочка» стригла со всех. Они обложили податью всех встречных и поперечных, прильнув к ним как две огромные пиявки… Всем казалось, что долго так продолжаться не может, но не тут-то было. Асмодей Владленович нашёл лазейку, и стал раз в месяц летать к китайским триадам, во Владивосток, с чемоданом, доверху набитым юа-

нями, чем заслужил там несказанное уважение и почёт.

В итоге дела «сладкой парочки» пошли вверх, а наши жизни, увы, покатились под откос. Одним из излюбленных развлечений этих двух существ было ежедневное издевательство над подчинёнными им людьми, находившимися от них в полной зависимости, как крепостные крестьяне. В вопросах унижения безмолвных работников они дошли до совершенства. Упырёв с Чернобабой никогда не стеснялись в выражениях, за опоздание на тридцать секунд увольняли без лишних вопросов, давали людишкам клички и прозвища, пользовались всем, что можно было урвать, брали всё, что плохо лежит, и не боялись ничего и никого. Нам оставалось только, стиснув зубы, безмолвно терпеть и ждать, когда они пойдут на повышение и наконец-то отлипнут, насытившись, от наших изъеденных тел и душ.

*****

Жили упыри с размахом. У каждого по три пятикомнатных квартиры в центре города, по два коттеджа. Ездили исключительно на дорогущих финиках, что предыдущим скромным нашим директорам и не снилось. Но никто вокруг как будто не видел их бесчинств, словно у них были волшебные шапки-невидимки, а точнее тот самый чудо-чемоданчик, который возил ежемесячно Чернобаба во Владик, восточную столицу нашей Родины. Из ремонтных баз, где раньше трудились работяги-литейщики, они сделали себе элитные дома отдыха, где отдыхали, купались в бассейнах и про-

жирали государственные деньги их жирные, раскормленные, наглые отпрыски.

Надо отдать должное Чернобабе, свои подлости от творил искусно, многоходово и со столь извращённой фантазией и далеко идущими планами, которые никому и в голову прийти не могли. Он мыслил как-то не по-людски, а по инопланетному, потому что такие гадости, которые приходили в ум ему одному, не мог придумать никто, за что его и ценил Упырёв.

Давила народ «сладкая парочка» по-разному. Главарь двигал в разные стороны глазами и бровями, пыхтел как бык, так что из него, казалось, валил пар и давил человечков, не взирая на чины и звания, сравнивая их тонкой земной оболочкой. Когда он говорил, казалось, что это надувной шар, который сейчас выпрыгнет из-за своего поистине царского стола, и начнёт как бизон бегать и топтать копытами всё вокруг, а потом вопьётся в шею, прямо в сонную артерию и начнёт сосать кровушку. Чернобаба же был похож на рыбу-фугу, которую зачали от тетраодона – японской ядовитой рыбы с шипами, раздувающейся как мяч. Когда он вызывал очередного подчинённого на экзекуцию, хотя сам был телосложения рыхлого и весьма невзрачного, в момент унижения его раздувало, напыживало, казалось он становится на два размера больше, высасывая жизненную энергию из бедолаг-сотрудников, при этом выпячивая шипы-губы и плюясь ядом. Народ уже не в шутку подозревал, что

это два энергетических вампира, потому что были на это серьёзные аргументы, особенно когда все наши вокруг поголовно начали хиреть, болеть, а денег как-то само собой стало не хватать на жизнь. Со временем два демона только обрастали несметными богатствами, а всякий раз после ежедневных экзекуций, казалось, что они даже молодеют.

Больше всего Упырёв любил давать задания, опасные для жизни и с удовольствием наблюдал, получая наслаждение, что же будет с его новой жертвой, а потом делал свои «выводы». И вот, однажды пришёл и мой черед. У него было принято заставлять работников, как свою челядь, выполнять что-нибудь для него лично, в качестве оброка, для дома, так сказать, для семьи. Мне выпала великая честь и незабвенный Виктор Сергеевич вменил в обязанность снятие своей домашней спутниковой антенны с крыши и перенос ей в свою очередную новую квартиру. Несмотря на то, что деньги Упырёв грёб даже не лопатой, а экскаватором, в таких мелочах он старался всё сделать забесплатно, чужими руками, обладая просто нечеловеческой жадностью. Отказать генералу было равноценно автоматическому написанию заявления на увольнение, поэтому, когда он вызвал меня и своей барской манере приказал снять с дома спутниковую антенну, несмотря на то, что абсолютно не представлял, как это сделать, я выразил искреннюю готовность к выполнению любого задания, придал лицу рвивое выражение и с горячим энтузиазмом приступил к выполнению особо важной задачи.

Необыкновенное рвение у меня вызывало то, что выполнить все мероприятия надо было в ближайшую субботу, в свободное, так сказать, от работы время, чтобы получить несказанное удовольствие и не дай Бог не потратить ни секунды рабочего времени. Ну что поделаешь, наверное, теперь это у меня хобби такое – антенны перевешивать. Дурака работа любит.

И вот настала та самая злополучная суббота. Она, буквально, подкралась, застала меня врасплох, как я к ней не готовился. Со страшного похмела, как и полагалось всем менеджерам среднего звена после пятницы, я, дыша керосином, и надеясь не встретить ГАИ-шников приехал в дом к Упырёву. Это был довольно старый, но очень дорогой пентхаус в самом фешенебельном районе города, с видом на реку. Пятикомнатная квартира была переделана из старинного особняка, служившего когда-то коммуналкой, путём объединения, но сам дом оставался весьма неновым, дореволюционной постройки, с лепниной и вензелями. Встретила меня в дверях недовольная тётка, которая на все мои вопросы только сказала:

– Вон, видишь провод белый в окно выходит? Вот всё, что я знаю.

Провод действительно был. И тётка не соврала, он действительно выходил ровнёхонько в окно. Проследив траекторию его движения, я понял, что дальше кабель по всей видимости по фасаду здания поднимается на крышу. Скрепя сердце, так как с одной стороны в общем-то вроде бо-

язнью высоты не страдал, но с другой и бесстрашным верхолазом меня как бы тоже нельзя было называть, я отправился на крышу. Дом был пятиэтажный, на чердак вела старая ржавая лестница, которая того и гляди должна была подо мной развалиться. На люке выхода на чердак висел амбарный замок. «Ключ от крыши находится в квартире №18» так обычно писали, поэтому хотя надписи и не было, я постучался в первую попавшуюся квартиру и вышедший оттуда взъерошенный бородатый мужик в семейных трусах, выслушав мою просьбу, рыгнул и молча протянул ключ. Надежда на то, что можно будет отмазаться по причине отсутствия ключа, к моему сожалению безвозвратно растаяла. Я взял себя в руки и полез наверх. Как и водится, чердак был с деревянными перекрытиями, керамзитным полом и являлся гигантским гнездом голубей, превративших всё вокруг в сплошной ковёр птичьего помёта. Выходом на крышу оказалось разбитое окно, которое громко стучало на пронизывающем ветру. Как назло, на улице был конец зимы, дул сильный, продувающий насквозь, северный буран с Оки, а местами всё обледенело после недавнишней короткой оттепели.

Держась за косяки окна, стараясь окончательно не изгваздаться в голубиных экскрементах, я выглянул наружу. Мать моя женщина! Крыша дома имела коньковую форму с крутыми скатами, полностью обледеневшую. Скатиться по ней к кромке, которая представлял собой полоску ржавого железа не более 15 сантиметров в высоту и рухнуть вниз бы-

ло проще простого. Я про себя выругался и проклял всю Упырёвскую натуру. Вот почему человеку с достатком было не нанять верхолазов с краном, а надо именно меня подпрягать на это, по сути смертельно опасное, дело, смертельный аттракцион фантастической жадности. Ветер между тем усиливался, он резал колючими кристаллами лицо, отгибал от крыши куски железа и вообще грозил разгуляться до бури. Как назло, за несколько дней до этого солнце растопило снег, а потом ночной морозец прихватил его в прочную корку льда, такую, что железный скат крыши превратился в каток. К тому же ко всему, спутниковых антенн на этом элитном старом доме была не одни и не две, они висели тут и там как набухшие гроздья винограда. Я вспомнил улыбающиеся чёрные глазки-буравчики Упырёва, его жирную фигуру и толстые, волосатые пальцы с перстнем. Именно в этот момент я понял, насколько мне была отвратительна его рожа. Потом я узнал, что по давно установившемуся негласному закону, чем более мерзок человек по натуре и внешности, тем больше ценят его наверху и тем выше он пойдёт.

*****

Н-да, но ничего не поделаешь, придётся рискнуть жизнью. Конечно смешно было бы погибнуть во цвете лет при съёме спутниковой антенны какому-то Упырёву, кем бы он там ни был. Смешно и нелепо. А деваться некуда. Я прикинул, что нужна страховка, дело это было для меня новое, но опасность была столь велика, что это было первое, о чём я поду-

мал. Я спустился вниз, к подъезду и закурил.

– Что можно использовать в качестве страховки? – ломал голову я.

Идея пришла сама собой – автомобильный буксировочный трос. Вот только где его взять? Я ездил на праворукой япошке, которая никогда не ломалась, а по сему, таких вещей сроду не имел. Пришлось ходить по двору и выпрашивать тросы у автолюбителей. Парочка из них, учтя моё плачевное положение смилостивилась, в итоге я стал счастливым обладателем двух тросов, каждый длиной по пять метров, с которыми снова поднялся на крышу под честное благородное слово тут же их вернуть по окончании моего опасного рандеву. И снова я оказался на заваленном помётом чердаке, где как мог опоясался и обвязался тросами, конец которых привязал к балке рядом с окном. С собой я взял собой скудные инструменты, которые нашёл в багажнике машины, и, скрепя бешено бьющееся сердце, полез через разбитое окно на крышу.

Я вылез и ухватился за радио мачту, прижавшись к ней, как к родной. Страшно – это не то слово, каким можно передать мои тогдашние ощущения. Когда ты стоишь на скате ледяной крыши, держишься за старую ржавую мачту на высоте, как тебе кажется, небоскрёба, а в лицо с заледеневшей Оки дует ветер такой силы, что тебя просто сносит, это я вам скажу такие незабываемые ощущения… Собрав волю в кулак, проявляя чудеса эквилибристики и воздушной гимна-

стики, хватаясь замёрзшими трясущимися пальцами за всё, что попадалось под руку – кабели, уголки, выступы, я полз на пузе по ледяной крыше, каждую секунду готовый покатиться с неё и рухнуть вниз.

Брови мои заиндевели, зуб не попадал на зуб, в всё тело было напряжено до судорог. Спустя пятнадцать минут таких адских мучений я дополз до вентиляционных возвышений, из которых воняло попеременно фекалиями и готовящимся обедом. Башенки эти были увешаны гроздьями заржавевших антенн. Тут как в «Поле чудес» – выбирай шкатулку и крути барабан. Я прикинул, какой кабель от какой антенны шёл в квартиру Упырёва с наибольшей вероятностью. Мне было настолько холодно и страшно, что я решил просто откусывать по очереди кабели и смотреть, какой из них упадёт в сторону окна начальника-самодура. Мне повезло, нужный фидер я нашёл с третьей попытки, чего не кажешь о счастливых обладателях первых двух.

Но тут меня ждал очередной неприятный сюрприз – антенна генерала была нечеловеческих размеров и прикручена к какой-то металлической конструкции, заледеневшей и напоминающей треногу или паука, гигантскими болтами настолько ржавыми, что открутить их явно не представлялось никакой возможности. Я прямо-таки увидел внутренним зрением смеющиеся глаза упыря Упырёва, когда он с вожделенным удовольствием кровопийцы представлял моё удивление по поводу размеров его антенны и экзотичного

способа её крепления.

Ну что поделать, представив себя Павкой Корчагиным, лёжа плашмя на пузе на льду, зацепившись телом и руками за все возможные конструкции, периодически мотаемый из стороны в сторону ветром и стараясь не смотреть вниз, в смертельно опасную пропасть, я достал из карман ржавое полотно от ножовки по металлу, которое чисто случайно оказалось в моём багажнике среди прочего хлама, и начал пилить. Вот Сизифов труд скажу я вам! Воистину адская работа. Только такой демон, как Упырёв, мог её выдумать. Я пилил битых часа два, проглатывая наворачивающиеся от безысходности слёзы и кусая замёрзшие до корки губы. На той крыше я промёрз так, что чувствовал каждую косточку, а все мои конечности затекли и перестали слушаться. Демон Дон Упырёв устроил мне ад при жизни.

Наконец-то последний болт был допилен, я разжал скрюченные от мороза пальцы и откинулся буквально на секунду в холодном забытьи. В это момент огромная, 2,5-метровая антенна накренились, надпиленные болты не выдержали, и она, надломив крепления, с грохотом шлёпнулась плашмя на ледяную поверхность кровли и, к моему величайшему ужасу, медленно поползла вниз, в пропасть, по инерции таща меня за собой и увлекая в бездну. Тут-то я и понял, что как бы я не хватался за маленькие ненадёжные конструкции, встречающиеся на нашем пути, удержать её я не могу. Силы мои иссякли, мышцы превратились в безвольные ватные

тряпки, и я просто вместе с антенной всё быстрее и быстрее летел вниз, навстречу смерти, слыша в ушах демонических хохот Упырёва и Асмодея Чернобабы, подло улыбающегося из-за широкой, волосатой спины своего господина.

Вся жизнь за несколько секунд скольжения, как водится, промелькнула перед моими глазами. Генерал Упырёв представлялся мне в виде черта, каких рисуют в журнале «Крокодил» в разделе «Пьянству-бой». Он был на кривых ножка-копытах, с жирным волосатым животом, рогами и мохнатыми бровями. Кромка крыши была всё ближе, а я цеплялся ногтями и зубами за лёд, но увы, безуспешно. Кончина моя была близка. Я в паре с антенной неминуемо достиг края крыши, антенна проломила тонкую жестяную окантовку и полетела вниз, увлекая меня в воронку за собой, как тонущее судно утопленника.

Я зажмурился и полетел вслед за ней. Где-то внизу раздался треск веток, грохот и рёв сигнализации. Летел я секунду, две, но почему-то не долетал до асфальта и не умирал. Я осторожно открыл глаза. Оказалось, что рано радовался чёрт в обличье Упырёва. Если и бывают чудеса на свете, то одно из них случилось именно сейчас. Тот самый страховочный трос, размотавшись на всю длину удерживал меня на самом краю крыши, а ноги упирались ровно в её зыбкую жестяную окаймовку. Я висел над пропастью, в миллиметре от смерти, но…

– Жив, – с удивлением подумал я, – жив! Ты смотри-ка!

Нет, врёшь, не возьмёшь!

Но радоваться было рано. Мне предстояло на безвольных руках по льду и почти отвесной крыше как-то вскарабкаться до окна, а связанная страховка из двух автомобильных тросов начала подозрительно расползаться в районе узла. Включив всё чтобы в остатке – второе дыхание, моральные, волевые и прочие качества духа, мобилизовав инстинкт самосохранения, я пополз вверх, расцарапывая в кровь ногти о кровлю и лёд, задыхаясь, перебирая трясущимися руками и ногами. Я глотал слёзы, но всё-таки полз, миллиметр за миллиметром вырываясь из пасти старухи смерти, отвоёвывая у неё секунду за секундой. И в конце концов, я-таки вышел из её цепких объятий, выскользнул прямо из разинутой пасти пропасти. Я успел. Узел двух верёвок лопнул и разошёлся, полетев оторванной верёвкой вниз, ровно в тот момент, когда я уже успел ухватиться за край спасительного окна.

– Беги, Форест, беги, – моё тело безвольным мешком перевалилось за парапет чердачного окна.

На автопилоте я сполз по лестнице на пятый этаж, вернул ключи бородатому молчаливому жильцу. За окном надрывалась сигнализация какой-то машины, но мне было до такой степени всё равно, что я не замечал её рёва. Я спустился по лестнице вниз.

Прямо перед выходом из подъезда меня ждала печальная, но занимательная картина. Огромная дьявольская упы-

рёвская антенна свалилась прямо на припаркованную рядом с домом иномарку, которая переливалась всеми цветами фар и орала, визжала как сумасшедшая всеми фибрами сигнализации. Как ни странно, на её крики никто не выбегал, видимо окна у хозяина были к его несчастью на другую сторону. Антенна лежала ровнёхонько на крыше тачки, оставив на ней огромную вмятину и раздавив лобовое стекло. Кстати, это была машина одного из добросердечных соседей генерала, выдавших мне трос. Как ни в чём не бывало, как будто, так и надо, я совершенно хладнокровно, проходя мимо, снял антенну, взвалил её себе на плечи, как Спаситель крест, и пошёл в сторону. Меня вдруг осенила мысль, что меня тут никто не знает, авто моего никто не видел, как и антенны на крыше тачки. Так что, извините. Ну а может это ледышка упала, или кусок снега? Упал и растаял, а я уже к этому не имею никакого отношения.

*****

Но на это история, разумеется, не окончилась. Меня ждало новое приключение на новой, ещё более вычурной квартире генерала Упырёва – это установка этой самой, снятой с опасностью для жизни, антенны. Учитывая то, что я понятия не имел, как «это» подключать, выполнить эту задачу, под саркастическую самодовольную улыбку оценивающе глядящего на меня Виктора Сергеевича, было ой как не просто. Я парился, краснел, потел, кому-то звонил, корячился, ездил за лестницей, покупал огромное победитовое сверло

за свои бабки, умолял незнакомых прохожих мне помочь. Упырёв же всё это время внимательно следил за мной и моими усилиями, не сводя с меня голодных крысиных глазок.

– Всё, принимайте работу, – сказал я, вытирая пот со лба, закончив работу и рухнув на пол.

Был уже глубокий вечер. По подключённому в первый раз в моей жизни к спутниковой тарелке телевизору шла какая-то зарубежная программа, внизу радостно отображался зеленью 100% -й уровень сигнала.

– Ты давай, не расслабляйся. Прибери тут всё за собой и свободен, – поблагодарил меня в своей манере его величество Упырёв и дал понять, что больше меня не задерживает.

После этих его слов голова у меня потяжелела, и я помню всё очень смутно, как будто в тумане. Какими-то вспышками в памяти всплывало, что как бы от усталости всё вокруг закружилось, и я на пару мгновений потерял связь с реальностью. И только дома я обнаружил у себя на шее, рядом с ключицей, два свежих пореза, похожих на укусы, но день-то суетной был, где хочешь поцарапаться мог, поэтому тогда я на них внимания и не обратил.

Глава 4

Упыри

И всё бы хорошо, вроде и с работы не выгнали. Да только стал я на себе ловить потом внимательные взгляды Упырёва, и улыбочку эту его поганую. А ещё ощущать какое-то излишнее внимание к своей персоне. Так же я заметил, как его жаба-янычар Чернобаба стал меня ревновать, давать поручений каверзных, в своём стиле, больше прежнего и вообще всячески задевать, пытаясь оградить от внимания любимого хозяина. Как я говорил тогда – милые бранятся, только тешатся. А генерал чего-то выжидал, видимо он уже предопределили мне какую-то роль. Асмодей же, Владленович, будь он неладен, как будто выискивал удобного момента, чтобы стереть меня с лица земли, но так, чтобы сделать это похитрее, поизворотливее, поподлее.

И всё бы хорошо, два кровососущих клеща – Упырёв и его слуга Чернобаба, продолжали жиреть, а вот людишки в нашем офисе стали странным образом хиреть. Почему-то поголовно все вроде стали худее, бледнее, сначала всё это списывали на небывалые управленческие таланты упырей. Мол вон видите, как хорошо они заставляют крепостных работать, как эффективно, какие, понимаешь, «талантливые»

управленцы. Но это всё до поры, до времени. Потому как через некоторое время человечки-то наши начали помирать. Отдавали Богу душу загадочным образом, смерть косила их целыми отделами, штабелями. Но всё строго от естественных причин, не подкопаешься.

Борисов Олег был мужик не старый, крепкий, средних лет, да поддавать любил. Ирина Никодимовна кажись болела чем-то по женской части. Светка Глушкова, та и совсем была баба молодая, только тридцатник стукнул, да у неё вроде бы онкологию нашли. Все по осени внезапно Богу душу отдали. И так далее и тому подобное… Вроде бы никто не виноват, всему находилось разумное объяснение, диагноз, но странным оставался этот «закон эпидемичности», который невозможно было объяснить логическим путём, когда смерть стала косить направо и налево людей одной профессии, словно мы работали где-то на ядерных рудниках. Правда выжившим думать тоже особо не приходилось, потому что у каждого из нас вдруг, откуда ни возьмись, появились странные хронические болезни. У кого гастрит, у кого холецистит с панкреатитом, у кого давление вдруг пошло в разнос, у кого-то вообще предынсультное состояние. Да так всех поголовно прихватило, что нам всем сразу стало сугубо всё равно до остальных, так как думали все в первую очередь о своих болезнях, не вылезая из клиник, в которых врачи только разводили руками, поражаясь столь массовой полиорганной деградации организмов в одной социальной груп-

пе.

И вроде казалось – вот оно, сейчас вся работа остановится, показатели поползут вниз, работать- то стало некому, все по больницам, да по процедурам сидят. Но… и тут Упырёв с Чернобабой оказались на высоте. Люди дохнут – значит они омолаживают коллектив, понижают средний возраст, выполняют коэффициенты полезной деятельности, болеют – сокращают ФОТ, уходят на аутсорсинг. Наверху прямо не нарадуются на их показатели по работе с персоналом. Текучка кадров нулевая. Когда такое было? Кадры начинали течь не на сторону, а на кладбище, а таких коэффициентов ещё не придумали. А на пухлых щеках генерала и его преданного прислужника то и дело проявлялся какой-то странный румянец, неестественный такой.

Каждый день, по заведённому упырями порядку, народ унылой вереницей с безысходным видом тянулся на экзекуцию. Выходя от Виктора Сергеевича, они шли к Асмодею Владленовичу на промывку мозгов и выкачивание жизненной энергии, и так по кругу, час за часом, день за днём. Жизненные соки вытекали из нас, как бензин их пробитого бензобака. Ну что делать, как говорится – лес рубят щепки летят. К тому же генерал Упырёв был большой мастак красного патриотического словца. Он горячо всех агитировал за Советскую власть, да за справедливость, за честь и совесть, и всегда во всех вопросах показывал принципиальную позицию. Только как-то его жирная мохнатая рожа и выставлен-

ные напоказ богатства, почему-то не очень вязались с пролетарскими лозунгами, но среди всеобщего болезненного состояния все были в тумане и этого не замечали, как будто пелена легла на наши глаза.

Время шло, генерал продолжал бросать в мою сторону неоднозначные плотоядные взгляды и давать всякие странные и необычные поручения. То, понимаешь, ему захотелось, чтобы у нас в конторе был свой музыкальный коллектив, а моей задачей было собрать со своих, еле передвигающих ноги, коллег деньги, всё купить, организовать, отрепетировать и конечно сделать фееричный концерт на Восьмое марта и Новый год, на котором наши болезные исхудавшие зомбеи с ввалившимися глазами, под пристальными натянутыми улыбками Упырёва и Чернобабы, занявшими центровые места в первом ряду, изображали всеобщую радость и ликование.

– Радуйтесь! Что-то вы плохо радуетесь! – приказывал, повернувшись, Асмодей, потирая пухленькие бабские пальчики.

И на наши посеревшие лица натягивалась подобострастная улыбка. Мы начинали веселиться, танцевать, хлопать в ладоши.

Однажды у генерала в элитном коттеджном посёлке на бывших Правительственных дачах, на дорогу упало дерево и надо было срочно найти технику, что его убрать, так как оно очень резало его величеству глаз. За дело взял-

ся лично Чернобаба, отдающий приказы направо и налево. В присущей ему манере он всё представил таким образом, что Россия в опасности, ни шагу назад, умрём на валежнике, но не сдадимся. Я аж сам почувствовал себя виноватым, в том, что проклятый пенёк вырос на пути великого Упырёва. Пронизанный с ног до головы духом патриотизма, я, вместе с бригадой, снятой с аварии на прорванной и заливающей целый район трубе, незамедлительно штурмовал кусок мёртвой древесины, как рабочие и крестьяне зимний дворец. Надо ли говорить, какое мы получили моральное удовольствие, когда вместо того, чтобы дать воду половине города и устранить фонтан кипятка, бьющий как гейзер из-под проезжей части в самом центре мегаполиса, наша бригада резала и таскала остатки бурелома рядом с шикарным коттеджем его сиятельства, который наблюдал за нами с балкона, попивая кофе, одетый в красный атласный халат. На самом деле упавший ствол и не мешал никому конечно, а так… «не порядок». А «не порядок» упырь очень не любил. Правда устранить порыв трубы нам всё равно пришлось, только было это уже глубокой ночью, когда генерал крепко спал. Он вообще всё делал по расписанию.

*****

В перечне добрых дел генерала Упырёва, которые он выполнял чужими руками, однажды мне попалось очень странное поручение, которое никак не вязалось с моим представлением о его сиятельстве. Началось всё с того, что когда я

был на каком-то его же очередном очень ценном задании, вдруг мне позвонила секретутка и замогильным испуганным голосом сообщила, что Виктор Сергеевич через полчаса ждёт меня у себя на аудиенции. Она могла даже не пояснять, что упыря никак не волновал тот факт, что я находился совершенно на другом конце города, а повсеместно, как и всегда в этот час, выстроились километровые пробки. Генерал любил ставить невыполнимые задачи и ждать, сверля своими крысиными глазками, когда же ты наконец-то всё-таки не сумеешь исполнить его высочайшего повеления. Но он просчитался, не в этот раз. Я, нарушив все физические законы и правила дорожного движения, пересекая двойные сплошные и не обращая внимания на красные света, несколько раз едва не сбивши пешеходов и не попав в добрую дюжину аварий, за минуту до назначенного времени вбежал в его офис. Там я помчался бегом по этажам, чтобы не терять время на лифт, взлетел по лестнице, весь потный, мокрый, заскочил в приёмную и, раздеваясь на ходу, открыл двери его монументального кабинета-дворца. Опоздал я ровно на 10 секунд от назначенного времени и сделал шаг в полутёмный, как склеп, огромный тронный зал, потонув в персидском ковре ручной работы с эмблемой нашей компании, почему-то с этого ракурса напомнившей мне пентаграмму.

– Ах ты, чупа-чупс недоношенный! – услышал я нелестный отзыв о себе самом, только моя нога переступила порог.

Сразу стало понятно, что я сейчас узнаю о себе очень

и очень много нового.

– Во сколько Генеральный директор велел Вам быть!

То, что Упырёв перешёл на «Вы», вместо привычного ему тыканья, означало высшую степень раздражения.

– Но Виктор Сергеевич! Я ж был по-Вашему же заданию на окраине… да ведь пробки… да оттуда и за два часа не приедешь в час пик… – мямлил и оправдывался я.

– Заткнись! Я повторяю! Во сколько Вам было приказано быть?!!! В десять! А время сколько? Десять ноль одна! Вы нарушили трудовое законодательство, Вы опоздали! Вы не выполнили Приказа! Да Вы недисциплинированный разгильдяй. Нет, Вы даже не разгильдяй, Вы же урод, моральный и физический урод! Дезертир и не только! Да Вам доверить ничего нельзя! Вы… Ты… Да как ты посмел, щенок! Ещё раз Вы, ты… хоть на одну секунду опоздаете, опоздаешь, Вам больше не работать ни здесь, нигде в этом городе, с волчьим билетом вылетишь на улицу, будешь по помойкам помои жрать. Вам всё понятно? – брызгая слюной и перескакивая с «ты» на «вы», кричал, размахивая руками, щеками и бровями разъярённый Упырёв.

– Так точно, Виктор Сергеевич, виноват, больше не повторится! – в очередной раз угождая его рабовладельческому эго и делая вид лихой и придурковатый, изображая сыновнюю любовь, рапортовал я.

– Смотри у меня! Ладно, я вызвал тебя по сверхважному делу. Садись, пиши. На вот, листок. Пиши – батюшка

Николай. Телефон +79777777777. Записал? Всё. Созвонись с ним, сделаешь всё, что ему надо. Свободен. Урод, – это я уже слышал вслед, как выстрел в спину.

Выйдя в приёмную и привычно «обтекая» от нелестных эпитетов в свой адрес, я надевал куртку и всё никак не мог взять в толк, для чего чтобы записать телефон надо было устраивать весь это театр? Ради чего я пёрся по пробкам через весь город и выслушал весь этот словесный понос? На следующий день, я позвонил по указанному телефону с девятью семёрками. На другом конце провода меня действительно ждал некий батюшка Николай. В тот момент, после нашего первого с ним разговора, я подумал, что Упырёв таким вот экстравагантным образом решил позаботиться о собственной душонке, так как речь в нашей беседе со святым отцом шла о восстановлении церкви где-то в глубокой, Богом заброшенной глуши на краю области. Ну и восстановлении в манере Виктора Сергеевича, естественно, конечно чужими, а точнее моими руками, чему я был нисколечко не удивлён.

Правда не вязалось дьявольская сущность генерала и порывы его проданной души никак друг с другом не вязались, но… Может на два фронта решил поработать? Но пока я был у него в корпоративном рабстве, оставалось только одно – подчиниться. Ехать надо было далеко, на другой конец губернии. Там, в районном центре, мы и договорились встретиться с батюшкой Николаем…

Глава 5

Дорога в обитель.

В назначенный день я выехал засветло. Дорога была не из приятных – далеко, муторно, по разбитым полуасфальтовым и грейдерным трассам, вздымающимся волнами. На ней я чуть не растерял колеса и выхлопную трубу, кочки превратили мою пятую точку в отбивную. Я прибыл в посёлок Октябрьский и подъехал к местному приходу. Поселковый храм был добротный, светился белизной и сусальным золотом, внутри него было ухожено, аккуратные клумбы на территории переливались зеленью, прекрасными благоухающими цветами и хвойными растениями. Видно, что церковь была постройки прошлого века, но поддерживалась с такой любовью, которая присуща только деревенским жителям, во все годы, даже при советской власти, сохранявших истинную веру. Я припарковался у приходских ворот, перекрестился и зашёл во двор. Через какое-то время из административного здания, что было поодаль, вышел высокий мускулистый человек в чёрной рясе, с небольшой аккуратной бородой, короткой стрижкой, смуглым скуластым мужественным лицом и голубыми глазами. Батюшка был внешне худощавым, но под рясой явно бугрились мышцы. Шёл он ко мне ровной, прямой офицерской походкой, а на лице отца Николая сияла открытая, добрая улыбка. Он по-простому

протянул мне руку:

– Добрый день брат, храни тебя Господь! Как тебя звать-величать то? О, интересное имя! Даздраперм говоришь? Да, родители у тебя с фантазией. Даже и не знаю, как такое произносить… Ну да ладно, на всё воля Божья. Так значит тебя ко мне в помощь послали? Знаешь хоть, что делать то?

– Да нет, батюшка Николай, не ведаю. Просветите, ради чего я в такую даль приехал.

– Ну пойдём, пообедаем с дороги, там и поговорим о делах наших тяжких.

Вышагивая своими длинными ногами в армейских сапогах, он провёл меня в обитель. Мы прошли куда-то в подвал, где оказалась просторная горница с кухней и большим столом. Всё вокруг было выполнено в старинном стиле, и чувствовал я себя как в фильме про Русь изначальную. Стены в образах, резьба по дереву, кованные двери, деревянный стол и стулья. Часы пробили полдень. На столе стоял сытный обед: наваристые щи, белый свежий хлеб, морс в запотевшем кувшине, сметана. Благодать! И всё с виду такое свежее, аппетитное, не смотря на строгий летний Успенский пост.

– Батюшка Николай, а как правильно молиться перед едой? Просвети меня тёмного. Может какая специальная молитва есть?

– Да читай «Отче наш», сын мой.

– Что, вот так просто?

– Да жизнь вообще штука очень простая, не надо её

усложнять.

– А как же, вроде сейчас пост идёт строгий, а Вы мне мясо, щи…

– Да ты лучше мясо ешь в пост, чем греши. Мясо оно что… Главное человеков не есть…

Батюшка с удовольствием покрякивая налегал на аппетитную похлёбку, а сметана повисла у него на усах. Я последовал его примеру. Давно не едал я таких вкусных щей и хлеба! Таких наваристых, хоть ложку ставь. Еда деревенская – она самая вкусная, самая натуральная, с городской не сравнится. Я уплетал обед за обе щеки. На второе давали кашу с рыбой, явно тоже собственного улова, да с деревенским лучком, с овощами.

– А что значит «человеков есть», батюшка? – спросил я священника, пережёвывая еду.

– А то и значит, сын мой, – отвечал батюшка, доедая обед.

Чем-то сейчас, в свете, падающим из окон деревенского храма он напомнил мне актёра Алексея Серебрякова. Такой же худощавый, голубоглазый, скуластый, светлый. А лицо одухотворённое, несгибаемое.

– Иной человек вроде строит из себя христианина, постится, в Храм ходит, причащается, исповедуется. А как не поговоришь с ним, кается всегда в одних и тех же вещах. Что человеков ест. И никак насытится не может. Пытается он всякими обрядами, да исповедью прикрыть своё людоедство. Вот я и говорю – лучше мясо животных в пост есть, а не чело-

вечину каждый день. Это конечно в переносном смысле. Вера, она ведь дана людям для очищения, чтобы любить ближнего своего, зла не творить. А он сегодня троих уволит, завтра десяток до инфаркта доведёт, сворует, по головам пройдётся, и идёт сюда, к нам – исповедоваться до причащаться. И считает, что местечко своё купит на том свете постом, да свечками. Да только не бывает так. Вот кстати, и этот твой меценат, Виктор Сергеевич, тоже о-о-о-очень человеков любит… Есть… Ну это попозже, не порть аппетит, доедай, пошли.

Я поблагодарил матушку за вкусный обед, мы вышли из церкви и сели в мою машину. Путь нас ждал неблизкий, и я продолжил расспрашивать отца Николая о жизни, да о цели своего визита.

– Отец Николай, а Вы не ели человеков? Вижу выправка-то у вас военная, мышцы вон под рясой.

– Я-то… Да, прав ты, – в сердцах махнул то рукой, – есть грех. И крови на мне столько, что не отмыться. Я ж десантник, участник боевых действий, прошёл Карабах, Чечню. Да в каких только горячих точках не был. Руки мои по локоть в крови. Убивали всех – виновных, невинных, какая разница, приказ есть приказ… И вот знаешь, грехи меня совсем уже готовы были раздавить и не было другого выхода, кроме как петлю нашею накинуть. Ведь ночью ко мне во сне трупы стали приходить. Придут и всё смотрят молча, укоризненно, и что я им не скажу – только молчат. Так вот, тогда Бог про-

тянул мне руку, и вытащил как того дитя из утробы, из бездны дьявольской. Да только не совсем обычным образом.

К нам в Орёл однажды приехала православная выставка, большая такая. Смех в том, что расположилась она в бывшем музее-мемориале Ленина. А я тогда по церквям скитался, с батюшками беседовал, но не было нигде мне успокоения. Каждую ночь то чеченцы бородатые, то молдаване мёртвые, хохлы, даги, все ко мне приходили и смотрели молча. У кого глаза нет, у кого и вовсе кишки наружу, а я как в западне, кричал, прощения просил, потом бил их – никакого толку, только больше и больше их с каждым днём становилось. Транквилизаторы в дурке мне выписывали горстями, водку пил литрами, чтобы забыться – ничего не помогало. Только в церкви мне хорошо становилось, а спать я боялся, бывало по неделе не спал. До ручки дошёл, уже продумал как руки на себя наложу. Задумал я пару листов нейролептиков с водкой смешать и избавиться от страданий. Только напоследок решил в церковь сходить, исповедаться. А в конце службы, на проповеди, батюшка всем велел на эту православную ярмарку сходить, а она ровнёхонько по пути ко мне домой была, ну я и последовал его совету.

Большая была та выставка-ярмарка! Много церквей съехалось, из разных стран, из всех концов страны, мощи святые выставлены были Матронушки. А перед мощами стоял батюшка. Видный такой, импозантный, можно сказать харизматичный. Высокий, с бородой чёрной до пупа, с глазами

всепрощающими, от него аж свет какой-то и доброта исходили, умиротворённость. В толпе слух про него шёл, что у него руки целебные, от всех болезней помогают, сила от них исходит небесная. Так вот подошёл я к нему, благословил он меня, руки наложил мне на чело и протягивает запястье для поцелуя. Наклонился я, и так и оторопел… Руки-то у батюшки все как есть в тюремных наколках, в перстнях, да надписях зоновских! Уж я таких рук много повидал, когда нас на бунты тюремные бросали. Я наколки его как книгу прочитал, сколько он сидел, по каким статьям. Человек это, судя по партакам, был авторитетный, матёрый. Я было хотел отпрянуть, а потом всё-таки поцеловал руку эту в воровских перстнях.

И тут снизошло на меня откровение Господне. Понял я тогда, что любой человек может грехи свои искупить, и нету ни смерти, ни конца, есть только вечная жизнь и душа. Если уж вор и убийца мог стать священником, которому руки целуют у мощей Матронушки, если Господь смог его простить, то может и меня простит. Ну вот, с тех пор я и иду по этому пути, вот видишь стал настоятелем. Ведь Храм, где мы с тобой были – главный Храм в районе.

А сколько забытых, разломанных, осквернённых церквей по нашим деревням, разрушенных при Советской власти. Нет им числа. И дал я обет Господу – восстановить все их, сделать всё, что в моих силах. А церковь мало восстановить, там надо службу организовать, а паства маленькая со-

всем, всё сплошь алкаши, да старухи. Ну, короче, работы мне до конца дней моих хватит.

– Да… Интересная, история, поучительная, батюшка Николай, – отвечал я ему, ведя машину, – как солдат стал священником… Храмы восстанавливаешь по деревням, от суицида Бог тебя спас… Просто книгу можно написать.

– Как сказано в Священном писании? Когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая. Чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

Я задумался об этих словах и погрузился в себя. Мы ехали по разбитой дороге, а мимо пролетали кукурузные поля, да хвойные леса.

– Так вот, сын мой, Даздраперм, а ведь дело-то предстоит нам с тобой ой какое непростое. Ты даже и не догадываешься насколько. Придётся стать нам с тобой парабаланами – воинами Христовыми. Слышал ты что это? И ещё… Нам предстоит принять бой во имя Господа нашего.

Отец Николай внимательно посмотрел на меня, изучая мою реакцию на свои слова. Но пока они мне показались просто гиперболой.

– А всё-таки дух солдатский близок тебе, отец Николай, ты лучше скажи, а убиенные-то перестали к тебе ночью при-

ходить?

– Захаживают, как не захаживать. Ведь боль нашу нельзя никуда убрать, как и грех, мы только можем научиться жить с ней и творить добро. Но полегче теперь, бывает совсем не приходят, особенно если за упокой свечи поставить, хотя какие им свечи, они ж нехристи, в основном мусульмане… Это так, для успокоения души собственной. А бывает придут, но я сними не воюю, беседы веду. Молча.

Но не о том нам думать с тобой надо, брат Даздраперм. У нас с тобой дело серьёзное. Ты вот думаешь – кто тебя ко мне послал? Этот человек, который тебе телефон мой дал? Виктор, кажется, Упырёв? Нет, это Господне провидение всё. Открою я тебе тайну страшную, но как только ты её узнаешь, жизнь твоя изменится навсегда. Знаешь ты, кто на самом деле это твой Упырёв?

Кто… человек… правда жёсткий чрезмерно, как экскременты мамонта, – ответил я на странный вопрос.

А вот тут ты сильно ошибаешься, – как загадочно сказал священник, – впрочем, обо всем по порядку.

За окном мелькали унылые деревенские пейзажи разрушенных деревень. Давно не ремонтировавшийся асфальт напоминал поле боя после ядерной бомбёжки – вздыбливался, вскипал волнами, испещряясь беззубыми выбоинами и ямами. По всему пути, то справа, то слева от нас зияли разрушенные плиты брошенных строений советских совхозов – коровников, свинарников, ремонтных баз, вскидывали бес-

помощные руки вверх скелеты ржавых тракторов и комбайнов. Перекошенные деревянные дома вдоль дороги глядели на нас пустыми глазницами выбитых стёкол в окнах. Мы ехали молча, словно в фильме из жанра пост апокалипсиса и за долго время в пути нам не встретился ни один человек. Отец Николай прервал тягостное молчание:

– Посмотри за окно. Видишь? Это же вымершие деревни, тут уж лет десять как никто не живёт, одни только одинокие алкаши, да старики. Разве что кто из заслуженных пенсионеров из города дом построит у реки, чтобы в спокойствии старость доживать. Здесь на всю округу из нормальных вон – один Матвеич, единственный тут кулак, фермер значит. На весь район только он и пашет. И земля его благодарит – что ни посеет, урожай хороший собирает, животину разводит, так та приплод неплохой даёт, потом продаёт, опять же пчёлы, мёд, карпятник свой. И деньги у него водятся неплохие, крепкий хозяин, зажиточный.

Мы проезжали ухоженные, словно по линейке вычерченные пахотные участки, чрезвычайно диссонирующие и кардинально отличающиеся от всех бесхозных, загаженных, брошенных полей, где в былые советские годы колхозники выращивали кукурузу, рожь, пшеницу, а сейчас поросших бурьяном и коноплёй и простиравшихся бескрайними просторами по всему пути. Мне даже показалось, что мы едим по совсем другой стране, как будто переместились в пространстве куда-то в Европу. Участок дороги, по которому

мягко катилась машина тоже был непривычно отремонтирован, практически с идеальным асфальтом, по обе стороны от него бодро колосилась рожь, подсолнечник и кукуруза, ровными ухоженными полями, набухшими початками. Между геометрически выверенными пашнями виднелись ровные современные постройки, выкрашенные в необычные, яркие цвета.

– Удивляешься? Да, красота… Любо-дорого посмотреть, всё по европейским технологиям. Техника у него вся немецкая, да американская, нашу не признаёт. А это ведь всё он, Матвеич, единственный тут настоящий мужик, фермер. И семья у него большая. Всё сам с родными поднял, теперь вон ездит на крузаке, вертолёт у него, пшеница самая лучшая на районе, мясо парное, сыры, мёд. Даже торговую марку открыл «У Матвеича». Да ты видел, наверное, в городе. Вот так то, можно значит жить, если уметь и хотеть работать. Он, кстати, тоже воин-афганец.

Батюшка примолк и задумался, как будто его накрыла волна воспоминаний.

– Да, а вот мы и подъезжаем. Вон, видишь вдали крыши домов? А вон указатель, это Покровка. Сюда-то мы с тобой путь и держали. Ну что ж, пришло время тебе всё рассказать. Я тебе уже говорил, что я, в силу своих обязанностей и веления души, восстанавливаю разрушенные Храмы по деревням. Дело это богоугодное, но сложное, финансирования на него нету, всё делается за счёт пожертвований. Покровка

деревня раньше большая было, при совхозе «Серп и молот», а сейчас совсем помирает. Народу осталось в ней человек тридцать всего, большая часть – старушки, есть пара дачников, коттеджи у пруда поставили, из бывших, солидные люди, правда одинокие, да ещё семейка алкашей. Вот с ними проблем больше всего – прут всё, что плохо лежит.

Впереди, среди бескрайних, не возделываемых, брошенных полей, действительно показались треугольные крыши деревенских срубов. К ним тянулись перекошенные деревянные столбы линии электропередачи с провисшими проводами, местами совсем сгнившие, накренившиеся и удерживаемые от падения как раз теми самыми электрическими кабелями. По пути нам встретился голубой указатель «Покровка, 3 км». Мы въехали в казавшуюся мёртвой деревню. Ставни почти всех домов были заколочены, а те что не заколочены – выбиты. Давно не крашенные дома, облезшего синего и зелёного цвета грустно пролетали слева и справа, покосившиеся завалинки и некогда резные палисадники были пусты.

– Да… Вот она русская глубинка, – философски сказал вслух я. – какими богатствами обладает Россия! Какие просторы, какие леса, поля, ведь всё есть! Ни в одной стране мира таких богаств нету! И всё это брошено, загажено, пропито, прости Господи. Вот отдай все это катайцам, да они за один год тут такого наворотят…

– Вот потому-то и не отдают нашу землю-матушку басур-

манам разным, что они тут «такого наворотят», – вторил мне батюшка Николай, – так вот, брат Даздраперм, прав ты во многом, но это не главное. Я вот хочу понять и никак всё в толк не могу взять – почему в такие солидные организации государственные, как у вас, директорами ставят упырей?

– Да я вот тоже хотел бы это узнать. Почему такие упыри, как этот «Виктор Сергеевич», становится генералами, – полностью согласился с ним я, – а хорошие правильные парни, типа меня, меняют им антенны на крыше с риском для жизни.

– Да нет, ты не понял, я без шуток, – впился в меня своими голубыми глазами Серебряков-Николай, играя желваками на скулах, – это не в переносном смысле. Я имею в виде настоящих упырей. Ну вурдалаков, вампиров, кровососов, если тебе так удобнее и понятней.

– В смысле кровососов? Типа гнёт народа? Верхи не могут, низы не хотят и тому подобное? Вперёд на баррикады? Вроде церковь такого не одобряет, – изумился я, всё никак не осознавая, что он мне хочет донести.

– Да нет, политика тут не при чём. Самые обычные кровососы, которые кровь сосут из шеи. Ну исчадия ада, продавшие душу дьяволу за вечную жизнь и богатство, – спокойно, как будто это само разумеется, сказал Николай.

– Да ладно, сказки всё это! Неужели Вы, батюшка, в самом деле верите в эту чушь и мракобесие? – иронично ответил ему я, не чувствуя подвоха.

– Не только верю, но и доподлинно знаю. Ну вот скажи мне, не замечал ли ты, что как Упырёв этот твой пришёл к вам, народ стал хиреть и умирать и все как один от естественных причин?

– Ну есть такое… Всё-таки экология, возраст…

– Да нет, брат, ни экология, ни возраст здесь не при чём. Дело в том, что люди не могут долго жить рядом с кровососом, он забирает жизненную энергию, при чём ему достаточно её высасывать не только физически, но и духовно. Вот скажи, часто они народ ругают?

– Да каждый день, целыми пачками низводят, обзываются, глумятся, что есть, то есть.

– Вот. Это они так подпитываются вашей энергией, вампир же он не только кровь сосёт, он ещё и душой кормится. А вот у тебя лично бывало такое, что раскатают тебя ниже плинтуса на совещании на ковре, а потом тебе плохо, сил нет, тошнит?

– Да каждый раз.

– Вот и сложи два плюс два. А ещё при этом Викторе Сергеевиче наверняка есть такой его слуга, с противным жабьим лицом, его главный помощник и советник, который тоже посасывает энергию, такой с подлыми глазами? Какой-нибудь его зам, которого он откуда-то притащил, только откуда никто не знает?

– Да… есть… Асмодей Чернобаба, такая отъявленная мразь…

– Ну вот видишь, что и требовалось доказать! Чернобаба этот – гуль, сверхъестественная сила, поддерживающая кровью лояльность, что делает его лучшим слугой вампира из всех. Имя-то какое себе взял – Асмодей, демон похоти. Совсем страх потеряли, упыри проклятые, ничего не стесняются, в открытую работать стали! Ну и конечно у них в кабинетах всегда холодно, шторы задёрнуты и есть секретная комнатушка, куда они никого не пускают? Верно? Там, кстати, гробы стоят если что, они их обычно под диваны стилизуют. Что, не так скажешь?

– Да так-то оно так… Но как такое возможно-то? – недоверчиво шептал я, – это ж всё Богомерзко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.